

ЛАРИСА

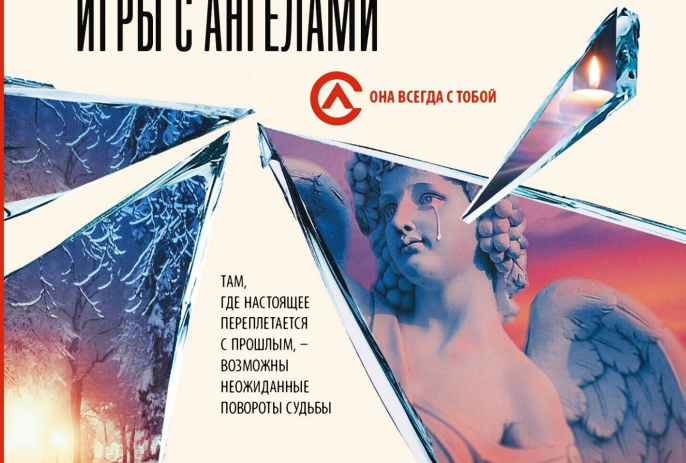
СОБОЛЕВА

ИГРЫ С АНГЕЛАМИ

ОНА ВСЕГДА С ТОБОЙ

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, –
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Лариса Павловна Соболева
Игры с ангелами
Серия «Она всегда с тобой»
Серия «Павел Терехов», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67838466
Игры с ангелами: Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-149281-6*

Аннотация

Новое дело группы Терехова: совсем молодой парень, студент забит до смерти в своей квартире. Труп нашла мать, приехавшая отметить Старый Новый год. Свидетелей нет – в предпраздничной суете никто ничего не видел.

Квартира разгромлена, вскрыты сидения стульев и диван, разбиты дорогой ноутбук и новый фотоаппарат. Взломщики явно что-то искали и очень торопились. Удивительное обстоятельство: в разбитой квартире нетронутой осталась коллекция ангелов. Убитый собирал статуэтки, полагая, что они – его защита. Но ангел ли он сам, как уверяет его мать? А если он всем врал?

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Лариса Соболева

Игры с ангелами

© Соболева Л., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Часть первая

Сюрприз на ночь глядя

Выйдя из супермаркета, Илья поставил пакеты у ног, застегнул куртку и накинул капюшон. Вечер выдался тихим, и снег падал тихо, мягко, словно в этом мире, кроме неспешно фланирующих хлопьев, вся жизнь на планете угасла.

Илье все эти заморочки «ах, снежок, ах, природа» до тусклых лампочек, которыми обвиты голые ветви деревьев, напоминающие, что сегодня финальный аккорд в череде праздников – Старый Новый год. Вдруг вспомнил, что выпустил из виду один момент и хотел было достать телефон...

– Эй, чего стал на дороге? – послышался сзади раздраженный мужской голос, подтверждающий, что живых на брэнной земле немерено, некоторые экземпляры не отличаются вежливостью. – В сторону нельзя было отойти?

Не оглянувшись, подхватив пакеты, Илья быстро зашагал к многоэтажкам, которые словно выросли из темноты, расцвеченные мелкими огнями окон. Густонаселенный район пуст, видимо, народ уже торчит за накрытыми столами или готовится к застолью, у народа мания: праздновать по всякому глупому поводу.

Илья праздники и связанную с ними суету не любил, как правило, они нарушали его планы, хотя о них каждый зна-

ет заранее, можно же планировать дела, учитывая неудобства. По правде говоря, ему больше нравилось думать, будто праздники мешают, это своего рода снобизм, эдакое отличие от масс. Возможно, его отношение сформировал тот факт, что он в этом огромном городе пришлый, у жителей мегаполисов присутствует некое пренебрежение к чужакам, будто они приехали занять место конкретно каждого из аборигенов. Приятели, само собой, из местных имеются, но у них куча привязанностей с обязанностями, поэтому не всегда удается собраться вместе непосредственно в праздник, разве что на следующий день, а это совсем не то, это нечто в духе секунд-хенда.

– Нескончаемые застолья – бездарная трата времени и здоровья, – небрежно проговорил он вслух, будто с ним рядом еще кто-то шел.

Выйдя на пустую аллею сквера, уходящую вдаль, Илья улыбнулся, потому что в одиночестве есть преимущество избранных – независимость. Мысль о преимуществе и вызвала улыбку удовлетворения. Но резкая боль в разбитой губе заставила его сморщиться, он поставил пакеты на скамейку, сгреб со спинки снег и приложил к губе. Холод – неплохая анестезия, Илья снова вспомнил, что не сделал звонок, и набрал номер. Услышав сопение в трубке, сказал:

– Это я, приветик... – Ему ответила тишина, Илья не смутился, бодренько продолжил: – Звоню, чтобы предупредить: сегодняшняя встреча отменяется, не приходи. Я позвоню,

когда...

Короткие гудки прервали его, Илья не огорчился, потому что... Собственно, какая разница? Все причины, хороши они или плохи, не помешают ему ощущать себя удачливым героем современности, у которого все получается good. Посмотрев на часы, он спрятал телефон в карман куртки и, подхватив пакеты, поторопился домой по пустой аллее, несмотря на вагон времени в запасе до приезда мамочки-мамулечки. В квартире на шестом этаже Илья жил один, повернув ключ в замке, он открыл первую дверь. С верхнего этажа кто-то спускался, разговаривая по телефону в резких тонах:

– Ну и сиди дома, твои закидоны у меня в печенке застряли! И во всех органах застряли!.. Да, это конец, goodbye my love. Не плачь, все проходит, пройдет и это... Потому что ты дура. Из всех дур ты совершенство...

Илья чуть не расхохотался в голос. О, как он согласен с парнем – девки все дуры. Вторым ключом он открыл внутреннюю дверь, рукой с одним из пакетов нажал на дверную ручку и толкнул плечом...

В ту же минуту получил сильнейший удар в спину. И буквально полетел в прихожую, реально оторвавшись от пола. Упал. По инерции проехался по лакированному паркету до входа в комнату, врезался макушкой в стену.

Внезапность и молниеносность полностью выбивают из понимания происходящего, а боль гарантирует потерю в пространстве. По этим причинам Илья не смог быстро под-

няться на ноги: не отдавал себе отчета, что происходит. Только механически собирал свое тело, подтягивая колени, затем, став на четвереньки, восстанавливал пространственную ориентацию. Едва ему удалось вдохнуть полной грудью (до этого спазм сдавил) и подумать: а что, собственно, случилось...

Кто-то цапнул его за куртку и грубым рывком поставил на ноги, развернул... Илья едва успел разлепить отяжелевшие веки и разглядеть, кто на него напал, как получил удар в челюсть и полетел в комнату спиной, размахивая руками, будто это поможет удержаться на ногах. Одновременно громко хлопнула входная дверь...

– Девчонки, вы что так долго?

На пороге кухни стоял Феликс, загородив собой проем и упираясь ладонями о боковушки дверной коробки, брови нахмурены, грозный, а голос жалостливый:

– Вас тут целых три штуки, а мы сидим оголодавшие... смотрите.

Он втянул щеки, губы свернул трубочкой и продемонстрировал с обеих сторон свой профиль, показывая, насколько оголодал, Настя с Алиной залиvisto рассмеялись. А Тамара, выкладывая на блюдо очередной кулинарный шедевр, посмеиваясь, попеняла ему:

– Такой большой, такой красивый, а брюзжишь, как старая обезьяна.

Феликс наклонился к столу, рассматривая и шумно при-

нюхиваясь к яствам на блюде, заодно парировал:

– Какой же я красивый? Одна змея особой ядовитости в нашем ведомстве уверяет, будто я похож на коршуна. Из-за моего горбатого носа.

– Поверь мне, она несправедлива, у тебя аристократический нос и мужественное лицо, ты высокий, спортивный, – утешила его лестью Тамара и следом отчитала: – Хотя по утрам не бегаешь и не желаешь заниматься спортом!

– Тамара, вы не правы, – вставила жена Настя насмешливо. – Феликс с закрытыми глазами, в уме занимается спортом, говорит, так тоже можно.

Алина затряслась от беззвучного смеха, Тамара сдержалась, невозмутимо продолжив:

– Мм, как интересно. Феликс, ты, пожалуйста, не выдавай свой секрет, а то мои балеринки последуют твоему примеру, будут делать экзерсисы мысленно, а я лишусь работы.

– Клянусь мамой и единственной сестрой, я могила, – выпрямился он с довольной физиономией, закинул в рот оливку и, жуя, улыбался. – Тamarочка, я слушаю, что там у тебя еще в запасе про меня хорошего?

– А, конечно! – покручивая в воздухе ложкой, улыбнулась она в ответ. – Итак, у тебя светлые волосы, убийственные серые глаза, да ты принц!

– Принц? Фу-у-у! – скривился Феликс.

– Понимаю, мое сравнение некорректно, принцы сладкие и женоподобные, а ты у нас брутал. Ну, с обликом разобра-

лись, дальше... ты умен, остроумен, герой – это без иронии. Да и вообще классный мужик. Не веришь? Мне?

– Верю, потому что знакомая змея – негодяйка, а ты... а ты наша Тamarочка, а я... я падок на лесть. Жена, почему сидишь в сторонке, как бедная родственница? Когда праздновать начнем?

– Меня отстранили, – оправдалась Настя.

– Еще бы! – хмыкнула Тамара. – Мы с Алиной пожалели ее, она и так столько наготовила на седьмом-то месяце!

– Уже восьмой пошел, – уточнила Настя.

– Тем более. – Тамара взяла блюдо и ткнула им в грудь Феликса. – Неси. Мы тоже придем сейчас, осталось хлеб нарезать и морс разлить по кувшинам. Иди же!

Всего пять минут – и возгласы одобрения раздались в комнате, когда вошли Настя, Тамара и Алина. Все живенько заняли свои места, Феликс налил в рюмки водку, женщинам шампанского, кроме Насти, она подняла бокал с морсом.

– Паша, – обратился к Терехову Феликс, – ты, как верховный главком в нашем маленьком коллективе, обязан сказать первый тост.

Потомственный интеллигент Терехов в правоохранительной системе скорее исключение, чем правило, в городе работает недавно, хотя мир осчастливил своим рождением здесь. Посмотришь на него – не впечатляет следователь тридцати одного года: белобрысый, с оттопыренными ушами, скромный, а интеллигент нынче почти ругательство. Но Павел не

инфантил, он человек воли – каждый день в любую погоду бегать по утрам без воли не обойтись, однако и упрям, и настойчив, в редких случаях бывает резок, но потом корит себя.

– Да, Павел Игоревич, вам слово, – поддержала мужа Настя.

Ничего не поделаешь, пришлось Терехову встать и, держа рюмку в руке, начать поздравление, к которому он не готовился:

– Вообще-то я не мастак тосты произносить...

– Да ладно, не скромничай, – перебил Феликс, ухмыльнувшись. – И компактней, компактней, а то кушать хочется.

– А ты не перебивай, – мягко осадил его Павел. – Я продолжу? (Феликс утвердительно кивнул.) Спасибо. Так уж сложилось, что Новый год встречают с самыми близкими, а Старый с друзьями. Я бесконечно счастлив, что мне повезло встретить в этом городе не только замечательных помощников в работе, но и друзей в их же лице. Мне повезло, потому что чем старше становится человек, тем меньше у него шансов обрести опору в друзьях. В данную минуту мы провожаем Старый год, пока желать ничего не буду, у нас впереди полтора часа, успеем. Давайте просто скажем спасибо прошедшему году? Он был интересным.

Тост поддержали, дружно чокнулись и выпили, мужчины набросились на еду, нахваливая Настю. Самый молодой Женя Сорин (ему двадцать четыре), внешне мальчишка, однако

не глуп, вежлив, с характером меланхолика, что, в сущности, не критично, позволил себе заметить:

– А что было интересного в прошедшем году? Два крупных дела со странными обстоятельствами, остальное – бытовуха с мордобитием и поножовщиной. Скучновато и банально.

– Ну и зануда ты, Сорняк, – бросил ему Феликс миролюбиво. – Между прочим, оба дела наша группа раскрыла в короткие сроки, особенно второе в рекордно короткий срок! По нам Книга рекордов Гиннеса тоскует. Должен заметить, его считали простецким, затем бесперспективным. Всего за нами числится три успешных дела, за полтора-то года. Это рекорд.

– А ты хочешь, чтобы убивали каждый месяц и обязательно с выкрутасами? – обратился с вопросом к Жене Вениамин, как всегда, бесстрастно, хотя в самом вопросе заложен скепсис.

Сорин покосился на круглолицего парня, пышущего деревенским здоровьем, Веня очень серьезный, сдержанный и чересчур ответственный в свои-то двадцать шесть. Правда-матка – это Вениамин, а вот когда Сорин говорит ласкающей интонацией, далеко не всегда можно понять, верит ли он сам в то, что несет.

– Не надо понимать буквально мои слова, – сказал Женя, – а также превратно их истолковывать. Я мыслю образами, а не земными категориями. В данном случае дал понять, что

основная наша работа рутинная.

– Феликс прав, ты зану...

– Интеллектуал, – нашел более подходящее для себя слово Сорин, подмигивая хохочущим женщинам.

– Главное, скромный, – констатировал Веня.

– Это не основное мое качество. – И тут нашелся Женя.

– Пора второй тост послушать, – предложил Феликс, наливая в рюмки. – Дамы, ваши бокальчики...

– А у нас налито, – сказала Тамара.

– Вот ты и говори, – дал ей слово хозяин дома.

Тамара не сопротивлялась, встала с места, но только собралась начать свою речь, раздался звонок. Павлу пришлось выйти из-за стола и подойти к сумке, которая висела в прихожей, оттуда он и стал вести диалог, а поскольку квартира Феликса и Насти небольшая, все хорошо слышали его:

– Да, Валерий Семенович...

– У, начальство, – понял Женя. – Не к добру, не к добру звонок.

– Поздравляю и я вас... – доносился голос Павла из прихожей. – Конечно, мы тоже празднуем... Да, все ребята здесь, мы у Феликса... Да? А что там?.. Ясно. И кроме нас, конечно, никого... Ладно, не буду... Нет, разумеется, нет, мы всегда готовы... Понял. Желая хорошо отпраздновать... Нам уже весело. Всего доброго.

Павел с мрачноватым лицом вошел в комнату, где наряженная елка затмила своим сверканием унылые лица за столом,

так как все поняли, что праздник отменяется. Ну, а раз поняли, он развел руками, дескать, ничего не мог поделать. Феликс, сидевший подперев ладонью щеку, повернулся к Жене Сорину:

– Накаркал, Сорняк?

– Как что – так сразу косой? – индифферентно вымолвил Женя.

– Короче, ребята... – произнес Павел и сделал паузу, окидывая взглядом друзей за праздничным столом. – Нас ждут великие дела, поэтому дружно встали и также дружно вышли. Девочки, вы тут поболтайте без нас.

– Вы хотя бы поешьте, много времени это не займет, – озаботилась Тамара. – Тебе же не назначили точного времени? А пять минут ничего не решают.

– Отсюда недалеко... Ужинаем, но быстро, – согласился Павел.

Мужчины активно заработали вилками и ножами, Настя помогала мужу – подносила ему стакан с напитком, чтобы запил непережеванную еду. Ее примеру последовала Алина, эта миниатюрная и прехорошенькая девушка с характером дикой кошки старалась походить хоть в чем-то на рассудительную и практичную хозяйку. Красивая, умная Настя за свои двадцать три года много узнала о подлости и благородстве, полтора года назад Феликс спас ее в прямом смысле от похитителей. Выйдя за него замуж, она нашла себя в домашнем пространстве. Тамара самая старшая из них, тридцать

три если не зрелость, то определенная мудрость уже достигнута (впрочем, это касается не всех женщин), тоже прошла свой нелегкий путь, с ребятами, как говорится, свела судьба. Утонченная, изящная, бывшая балерина, а ныне репетитор в театре оперы и балета, Тамара наблюдала за всеми с легкой улыбкой.

– Ребята, вперед, – скомандовал Павел, поднимаясь с места, заодно вытирая салфеткой губы. Дойдя до выхода, вдруг обернулся. – Хотел сказать во время следующего тоста, но не случилось. Алинка, в понедельник иди к Левченко, он берет тебя в свою группу, ему нужен толковый программист.

– Но я же не получила диплома, – вытаращила Алина и без того большущие голубые глазищи, в которых засверкали восторженные искры.

– Он в курсе, – улыбнулся Терехов. – Насколько я тебя узнал, ты спокойно совместишь диплом с работой, тем более это практика. Не подведи, ладно?

– И-и-и... – от радости запищала она, хлопая в ладоши.

Проводив мужчин, Настя вернулась из прихожей, усевшись за стол, предложила:

– Давайте теперь и мы поедем?

– Ужасно хочу есть, – призналась Алина, накладывая в тарелку всего по чуть-чуть. – Настя, ты уже знаешь, кто у тебя будет?

– Не-а, – ответила та. – Я просила не говорить.

– Я бы не выдержала... А Феликс кого хочет?

– Как можно кого-то хотеть или не хотеть? – пожалала плечами Настя. – Кто получился, того и ждем. Ой, а кто шампанское откроет? Я совсем выпустила из виду, что вам захочется выпить... Соседей попросить?

– Не надо, я попробую, не думаю, что это сложно, – вызвалась Тамара, беря бутылку шампанского. – Сто раз видела, как это делают. Дай мне полотенце, Настенька... Нет, пожалуйста, выйду на балкон, боюсь, половина вылетит из бутылки вам на головы.

У одного из подъездов стояла скорая.

– Стало быть, нам вон туда, – бросил Феликсу Павел.

Он вел машину на пониженной скорости, ведь это жилой район, высотки построены довольно близко друг к другу, тут из темноты может вынырнуть человек под градусом и попасть под колеса – доказывай потом, что ты чист, как снег на крыше. Вениамин, полулежа на заднем сиденье, разглядывая окна, выпятил губу:

– Почти все окна горят, народ празднует, но даю гарантию, никто ничего не видел и не слышал. Даже если видел и слышал.

– А что произошло? – лениво промямлил рядом Женя. – Мы пока ничего не знаем, кроме того, что едем на труп. Вон скорая стоит, может, труп вовсе не мертвый, а вполне себе живой.

Припарковавшись, все четверо вышли из машины, и Павел обратился к водителю скорой, который дремал за рулем:

– Извините, следователь Терехов. Какой этаж?

– Шестой... – вскинулся водитель, часто моргая.

– В квартире кто-нибудь есть?

– Доктор и медсестра, а кто еще... я не поднимался туда.

На этаже никого не было, однако все здесь гремело праздником – отовсюду доносились музыка и неразборчивый гомон, так что слова Вениамина в данном случае сомнений не вызывают: никто ничего не слышал, но, быть может, видел. Разобрались быстро, в какую квартиру следует войти – в ту, где приоткрыта дверь. В продолговатой прихожей горел свет, и невольно группа Терехова задержалась. Здесь явно была битва или нечто близкое к этому. Зеркало – вдребезги, причем оно было большим, судя по раме, в которой торчали осколки. Ими же был усыпан пол, кровь на стене – хорошее такое пятно, жирное, нечетко, но просматривался отпечаток ладони. Столик у гардеробной стойки вряд ли подлежит ремонту...

– Есть кто-нибудь? – крикнул Павел.

Из боковой двери выглянула женщина лет сорока в униформе.

– Простите, вы кто? – спросила женщина.

– Следователь Терехов, – представился он. – Что тут?

– Наконец-то, – сказала она. – Труп парня во второй комнате, его мать на кухне с доктором. Это она вызвала нас, думала, сын жив, но... А уже мы вас потревожили.

– Мать в каком состоянии? Допросить ее можно?

– Мы сделали ей укол... не знаю... не могу сказать, спросите у доктора. Представьте, приезжает к сыну проводить старый год, побыть с мальчиком, а он... сами увидите. Никому такого не пожелаю.

Павел обернулся к ребятам, бросив:

– Приступаем.

– Без экспертов? – уточнил Веня.

– Без. Они скоро подъедут, а мы пока осмотримся, прикинем, что здесь к чему... Только не топтаться, ладно?

– Господи, пощади, не присылай нам Марихуану, – тихо взмолился Феликс, рассматривая кровавое пятно на стене.

– Феликс идет со мной на кухню, – сказал Павел. – Остальным...

– Я, конечно, иду опрашивать соседей, – обреченно вздохнул Женя, закатив глаза к потолку.

– Конечно, – подтвердил Павел. – Но завтра. Сегодня с тобой никто разговаривать не станет.

– А если решишься настаивать, спустят с лестницы, – предупредил Феликс, осматриваясь. – Этаж шестой, падать недолго будешь, но больно.

Тем временем Павел заметил фотоаппарат у Вениамина:

– Камеру захватил? Отлично.

– Конечно, захватил, как без фотика? – усмехнулся тот. – Я же планировал всех нас сфоткать за праздничным столом и пролетел.

К нему приблизился со скорбной миной Феликс и попро-

сил:

– Веник, в следующий раз, когда соберемся праздновать, камеру оставляй дома, смартфоном сфотокаешь. Примета плохая: как только берешь камеру, так обязательно сваливается на нас что-нибудь неожиданное. Заметь: в самый неподходящий момент.

– Да? Не помню такого, – готовя фотоаппарат к работе, сказал Вениамин. – Павел Игоревич, я готов. Женька, идем?

Оба, осторожно ступая на свободные от зеркальных осколков места, прошли в комнату, а Павел с Феликсом отправились в кухню. Доктор, крупный мужчина лет пятидесяти, привстал и поздоровался за руку с ними, все трое усталились на женщину. Она сидела за столом, отвернувшись от входа и упираясь лбом в стену, на вновь вошедших не обратила внимания. Павел сел напротив и начал с осторожностью, характерной для врачей-психиатров, когда они разговаривают с буйными больными:

– Прошу прощения, мы понимаем, как вам сейчас тяжело, но нам нужно поговорить с вами... (Она не пошевелилась.) Очень нужно, поверьте.

Никакой реакции. Павел взглянул на врача, ища помощи, но тот развел руками, дескать, ничем помочь не могу. Пару минут Терехов смотрел на женщину, не зная, как вывести ее из состояния глухоты и немоты, казалось, она даже не дышит. Ее руки лежали на столе и сжимали фаянсовую кружку, наверняка с водой, сжимали сильно, так что пальцы по-

белели. На кистях пятна крови, успевшие высохнуть, и платье выпачкано – на груди, рукаве, плече. Понятно, что это кровь ее сына, видимо, она пыталась вернуть его к жизни, обнимала, поэтому даже на скуле остались пятна. Если ничего не получится, он опросит ее в другое время, а сейчас желательно выяснить хотя бы, где она живет, есть ли кто-нибудь дома, кто поможет пережить ей эту ночь:

– Я следователь Павел Игоревич Терехов. (До сих пор он с трудом называл свое отчество, особенно, когда перед ним люди намного старше. Заставлять их называть себя Игоревичем в тридцать один годик как-то неловко, однако обязывает положение.) А вас как зовут?

– Элеонора... – неожиданно вяло и после паузы, но все же выговорила женщина. – Геннадьевна.

– Я знаю, Элеонора Геннадьевна, что вы приехали... сюда, – подбирал он слова, чтобы обойти болезненные «сын, к сыну». – Как мы поняли, живете вы в другом месте... В каком районе? Кто-нибудь у вас дома есть? Мы позвоним, за вами приедут...

– Я из другого города, – сказала она.

– Вот как... – огорчился он. – Это далеко?

– Двести километров... Другая область.

М-да, если у нее дома кто-то и остался, приехать и взять под опеку несчастную не сможет, ведь дорога неблизкая. Вероятно, она ждала следующего вопроса, не дождалась и посмотрела на Павла абсолютно безучастными глазами, пере-

вела взгляд на Феликса, который стоял за спиной Терехова, подпирая стену.

Горе человека не красит, оно старит и весьма быстро, но все равно навскидку ей далеко до пятидесяти, темные большие глаза словно пьяные, под ними потеки от туши, прямые брови сдвинуты, лицо круглое и миловидное, но подбородок острый, в общем, женщина симпатичная. Что еще в ней примечательного? Ухоженная, маникюр нанесен мастерски, одевается не на вещевом рынке. Все эти детали могут пригодиться, но далеко не всегда, Павел по внешнему облику делает выводы о социальном статусе, что действительно важно, зачастую именно в среде обитания кроется много причин тем или иным проступкам. Сейчас ее нужно как-то растормошить, и Павел спросил:

– Вы можете говорить о том, что случилось?

Элеонора Геннадьевна опустила глаза, у нее задрожали губы, ну и какие тут могут быть разговоры? Нехотя Терехов поднялся с места, сделав знак доктору, чтобы тот шел за ним, оба вышли из кухни.

– Послушайте, – обратился Павел к врачу, – вы можете определить пострадавшую в больницу? Труп мы, конечно, заберем, но ей оставаться здесь нежелательно, а больше нигде. К тому же за пострадавшей необходимо присматривать, сами видите, в каком она состоянии.

– Да, женщина в пограничном режиме, – вздохнул доктор. – Я постараюсь определить ее в неврологическое отде-

ление.

– Нет-нет, не постараетесь, а определите, хорошо? – мягко настоял Павел, но это его принцип при работе с людьми. – И неважно, в какое отделение, нам нужна она вменяемая. Пока следует поддержать ее... чем там у вас поддерживают? Уколами, таблетками, процедурами? А мы завтра-послезавтра навестим Элеонору. – Он протянул доктору визитку. – Вот мои телефоны, звоните в любое время, а сейчас увозите мать. Помощь нужна?

– Не думаю, до лифта мы ее доведем, внизу водитель поможет, если что. Бедная женщина, такой удар...

Павел и Феликс отправились в комнату, едва переступив порог, второй присвистнул и выразил общее с Тереховым мнение:

– Ё-моё! Вот это разгром...

К ним повернулся Вениамин и щелкнул фотоаппаратом.

– Для истории, – поставил он обоих перед фактом. – Лица у вас... как раз для рубрики в тырнете «Смешное рядом с нами».

– Не вздумай выложить... – предупредительно выставил указательный палец Феликс, но Веня перебил с усмешкой:

– Ты правда подумал, что я выложу фотки в тырнет?

– К шуткам я сегодня не расположен. Где труп?

– В той комнате, – кивком головы указал Веня и вздрогнул от визга:

– Пустите!.. Пустите меня!.. Я сказала, пусти!.. Прочь!..

Ворвалась Элеонора и пронеслась через гостиную, как торнадо, споткнувшись о сервировочную тележку, лежащую на боку среди осколков разбитой посуды, свежих фруктов и мятых пирожных. Она едва не упала, но только коснулась пальцами пола, выпрямилась и унеслась во вторую комнату. Не успели мужчины глазом моргнуть, как оттуда слышались характерные завывания, морозящие душу и тело, доктор произнес извиняющимся тоном:

– Мы не смогли ее удержать... сил не хватило.

Кто не поймет мать в такой ужасной ситуации? Она не может вот так взять и уйти от ребенка, где-то там спать, когда мальчик останется здесь, он есть, но его уже нет, никогда не будет. Вот с этим «нет» она не в состоянии смириться, хотя придется, со временем так и произойдет, потому что другого не дано, в данном случае ничего не исправить. Однако группа Терехова не для сочувствия приехала сюда, к тому же мама реально способна навредить, и Павел решительно двинулся к ней во вторую комнату, остальные пережидали и слушали в первой.

Когда Павел вошел, поначалу опешил – такое месиво из человека ему не доводилось видеть: истерзанный труп парня лежал на полу лицом вверх, живого места на нем сложно отыскать. Голубенькая рубашка изодрана, словно по ней прошли когтями лапы тигра, и вся в крови, но лицо, хоть и побито, однако черты сохранились. Собственно, сейчас Павлу труп не важен, ему нужно другое, он подошел ближе к

несчастной женщине, стоявшей на коленях, то ли стонущей, то ли рыдающей над телом сына, и без всяких сантиментов строго сказал:

– Элеонора Геннадьевна, прошу вас выйти отсюда.

Она перестала издавать странные звуки, медленно подняла голову, несколько секунд смотрела на него совершенно безумными глазами, а что уж там думала – неизвестно, но вдруг превратилась в злобную мегеру с перекошенным ртом, истерично закричав:

– Уйти?! Мне?! А ну пошел отсюда! Убирайся! Все убирайтесь! Я вас не звала! Пошли к черту все, чтобы я вас больше не видела здесь! Оставьте меня! Это моя квартира... моя! Вы уже ничего не можете сделать, ничего! Вы здесь не нужны! Пошли вон! Это мой сын! Вон! Убирайтесь!..

Спасибо, что не кинулась драться. Женщина в истерическом состоянии зрелище неприглядное, мягко говоря, хотя оправдывающие ее факторы должны укрощать подобные мысли. Шанс есть утихомирить разъяренную даму – дожидаться, когда она выдохнется, и Павел терпеливо ждал, гипнотизируя ее немигающим взглядом. Не прошло и полминуты – она закашлялась, а после не смогла начать с прежней ноты, да и вообще заговорить, глотала сухой ком, застрявший в горле, и всхлипывала, тем самым дала возможность вразумить ее:

– Поймите, мы не можем уйти, пока не обследуем всю квартиру, это наша работа. Сюда едут эксперты, им предсто-

ит найти улики, ведь здесь везде могли остаться следы убийцы, а вы вредите нам. Да, да, – повысил он голос, почувствовав, что задавит ее логикой и авторитетом. – На полу, где вы сидите, на предметах, которые вы трогали, повсюду могли остаться следы, которые помогли бы нам найти преступников. Но вы этому помешали...

– Я? Как?.. – стало доходить до нее, что она не права.

– Вот вы сидите, а под вами, может быть, остался отпечаток обуви преступника... (Опешив, Элеонора поднялась на ноги и уставилась в пол.) Не видите? Кровь размазана по полу от вашего платья, вы уже навредили нам своим безумным поведением. Неужели вам все равно, найдем мы убийц вашего сына или они продолжат гулять на свободе?

– Что вы такое говорите? – проямлила она, по инерции всхлипывая. – Мне все равно, мне? Нет! Как можно!.. Я хочу... я требую найти...

– В таком случае покиньте квартиру. Вас определяют в больницу, успокоят, вы лежите там пару дней...

– Не могу, – вымолвила шепотом она. – А мой Илюша?.. Он здесь один будет... совсем один...

– А вашим Илюшей теперь будем заниматься мы, здесь он не останется, поверьте. – Павел протянул ей руку. – Сейчас подъедет целая бригада, вы будете только мешать, давайте вашу руку... Вот и хорошо. Идемте... Элеонора Геннадьевна, а ведь вы тоже можете помочь нам.

– Я? Могу? Как это?

– Скажу. Но сначала ответьте, ваш сын доверял вам?

– Конечно! – механически произнесла она. – У нас с Илюшей были доверительные отношения, он все рассказывал мне.

Ее уверенность достойна восхищения, лишь бы разочароваться не пришлось, как часто бывает с самоуверенными родителями, но сказал он другое:

– Раз так, вы облегчите нам задачу. Пока будете находиться в больнице, вам придется собраться с силами и за это время вспомнить все связи вашего сына: с кем он дружил, с кем враждовал, какие неприятности с ним случались, когда и почему Илья был недоволен, расстроен, зол... Это очень важно, понимаете? Вплоть до чисел. Помните, от вас зависит успех наших поисков.

– Да... слышу... обещаю... – тихо, словно в трансе, произнесла она.

К этому времени они вышли в прихожую, где их дожидались, сидя на пуфиках, доктор с медсестрой. Терехов подвел к ним мать убитого и убедил:

– Элеонора Геннадьевна пришла в себя, больше такого не повторится. Поезжайте... позвоните завтра мне – куда, в какую палату устроите ее.

– Лучше я позвоню, когда она в себя придет, – предложил доктор. – Со своей стороны обещаю держать на контроле ее самочувствие.

– Идет, – согласился Павел. – Спасибо, доктор.

Медсестра приобняла Элеонору за плечи и повела к выходу, что-то чисто по-женски шепча на ушко, но та, переступив порог, вдруг обернулась:

– А вы... вы обещаете найти?

– Мы сделаем все, что в наших силах, – не пообещал он, не мог этого сделать по объективным причинам.

Элеонора наверняка услышала то, что хотела, кивнула и вышла из квартиры. Вскоре с характерным скрипом закрылись двери лифта, потом он поехал вниз, а Павел с облегчением вздохнул и вернулся в комнату. Никто не спросил, мол, как там бедная мама убитого, он сам отчитался:

– Ее увезли. Что-то наши коллеги задерживаются.

– Так это же только у нас комплекс паровоза, – заворчал под нос Феликс, рассматривая коллекцию фарфоровых фигурок величиной с палец на полке застекленного шкафа-витрины (под названием «горка») черного цвета, то ли это ангелы с крылышками, то ли феи, не очень понятно. – Мы все бросаем и несемся впереди других, нам же надо первыми к трупку пробиться, как будто он убежит. А эти другие спокойно и выпили, и закусили, и пообщались... Веник, сфоткай эти фигурки и шкафчик подробно.

В ту же секунду раздался бодрый незнакомый голос:

– В данном случае неуместно говорить «добрый вечер», поэтому просто... здравствуйте.

В дверном проеме стоял молодой человек, если Веня упитанный, то этот паренек кругленький, аккуратненький, таки-

ми бывают отличники в школе, опекаемые без меры мамой, которая кормит сытно, вкусно и много. И такой чистенький, что на первый взгляд казалось, будто его долго мыли с мылом, отчего розовые щеки лоснились, улыбка светилась, а наглаженная одежда сияла, как в рекламе моющих средств. Но если серьезно, он произвел приятное впечатление, эдакий обаяшка, тем не менее явление вызвало закономерное недоумение, у Феликса непроизвольно вырвалось:

– Это еще кто нарисовался?

Клара чиркнула о коробок спичкой...

В полутьме огонек пыхнул яркий, желто-оранжевый, с тонким сиянием вокруг, осветив лицо Клары, на котором улыбка не появлялась вот уже три года. Точнее, три года и четыре месяца, можно еще и дни посчитать, но зачем? Аркадий Лукьянович не спускал с нее глаз не потому, что опасался за здоровье, эти времена прошли, сегодня вдруг посетила бредовая мысль о бесконечности. Ему совершенно не свойственны философские размышления, он абсолютно земной, его профессия тоже земная – технолог на рыбном заводе, там ничего нет, располагающего к экзерсисам ума. А вот сегодня стукнуло: бесконечность, это что-то постоянно неудобное, угнетающее изо дня в день, не дающее главного – надежды.

Клара поднесла огонек к церковной свечке возле маленькой иконы Богоматери, которой вовсе не место на полке стеллажа с интерьерными, в большинстве своем ненужными предметами. Постояв там с минуту, она вернулась за накры-

тый стол, Аркадий Лукьянович по-новому взглянул на жену, хотя у них гражданский брак, да и живут вместе они всего два года и три месяца, не считая нескольких дней. Одно дело встречаться в течение многих лет, совсем другое – жить бок о бок, когда у обоих бóльшая часть жизни прошла, за плечами багаж и много чего случилось. Итак, пора разрядить бесконечную паузу:

– Давай, наконец, проводим Старый год? (Клара молча кивнула, он налил ей шампанского, себе водки.) Ну? За Старый? Он принес много хорошего...

И осекся. Забыл, что у Клары ничего хорошего по определению не может быть, она об этом никогда не говорила, он сам додумался. Пока Аркадий Лукьянович пил свою водку, зазвонил ее телефон Кларе пришлось вернуться к стеллажу, где лежал смартфон, она немножко ожила, услышав голос в трубке:

– Здравствуй, родной... Все хорошо у меня, просто отлично... Аркаша, тебе привет от Димки!

– Спасибо, взаимно, – бросил в ответ он, но его слова попали ей в спину, так как Клара отвернулась и общалась с сыном какое-то время междометиями.

Подперев скулу кулаком, Аркадий Лукьянович терпеливо ждал, царапая вилкой тарелку и поглядывая на Клару, а не в телевизор, где зашкаливало веселье – шел повтор новогоднего огонька. Ему пятьдесят, ей сорок три; он простой мужик, она королева без трона и королевства, а если бы поль-

зовалась косметикой и не убирала волосы в узел на затылке, была бы краше мировых звезд кинематографа. Он любил ее в любых проявлениях, она... иногда ему казалось, Клара никого не любит, никто ей не нужен. А старость не за горами, тут нужно радоваться каждому новому дню, ведь время неумолимо, вместо этого госпожа уныние холодит дом.

– А когда, когда?.. – добивалась ответа она. – Родной, скоро – ни о чем не говорит... Хорошо, милый, я жду. Пока, родной, целую. Аркаша, Димка приезжает, сказал, скоро. Но даты не назвал.

Клара вернулась за стол, взяла бокал и задумалась, в который раз Аркадий Лукьянович решил втянуть ее в диалог:

– Решил сделать тебе подарок, но не знаю, что бы ты хотела...

– Я? – глядя ему в глаза, переспросила она.

По телику грянул гомерический хохот, он диссонировал с унылой атмосферой за столом. Под этот смех Клара выпила и ответила ему:

– Хочу невозможного.

Появление незнакомого молодого человека...

...не где-нибудь, а на месте преступления, к тому же в столь поздний час, вызвало вполне законный и чисто профессиональный интерес.

– Ты кто? – задал законный вопрос Женя.

– Кориков Антон Степанович, новый судмедэксперт, – представился молодой человек, а дальше пошутил: – На пост

заступил позавчера, к работе готов.

А они грешным делом подумали... нет-нет, этот паренек, разумеется, не убийца, но вдруг он сосед и что-нибудь заметил. Пусть мелочь, ведь жизнью нашей рулят они – мелочи, следовательно, незаметно играют свою латентную роль, а в исключительных случаях и роковую. Но все оказалось проще, только вот слишком он молод для эксперта.

– Тебе сколько лет... Антон Степанович? – поинтересовался любопытный Феликс, зацепив большие пальцы за шлевки на поясе и обходя новичка.

– Скоро двадцать шесть, – ответил улыбчивый Антон.

– Ммм... – разочарованно протянул Феликс. – Значит, с опытом у нас пролет, лучезарный ты наш.

– Ты Феликс, – обрадовался Антон. – Наслышан, наслышан...

– От Коноплевой, что ли? – усмехнулся тот.

– И от нее. – Его никто не просил, но Антон отчитался: – В семнадцать я поступил в медицинский, окончил через пять лет с отличием, год служил в горячей точке – сам попросился, потом год практики по профилю, полтора года работал в области. Профессор Покровский пригласил поработать ввиду острой нехватки кадров. Так что опыт у меня есть, а еще я очень способный, хватаю на лету.

– Круто, – одобрил Сорин, стоя у входа во вторую комнату. – Меня Женя зовут, а то Веник... то есть Вениамин. Труп там, – указал он большим пальцем себе за спину на вход.

– Следователь Терехов, – представился и Павел с улыбкой, ему понравился паренек. – Приятно познакомиться, Антон... м... Степанович. Приступай к работе, смелее.

– Ну и бардак... – пересекая комнату, оценил Антон. – Будто это салун времен Дикого Запада, где была массовая потасовка.

За ним проследовал и Павел. Вениамин продолжил снимать каждый метр, съемки в его обязанности не входят, просто к делу он относится скрупулезно и ответственно. Мелочей для бывшего деревенского участкового не бывает, кстати, именно его фотки с места преступления однажды сослужили хорошую службу.

– По-моему, нам опять крупно не повезло, – скептически сказал Феликс. – Пацан совсем зеленый, что он в трупах понимает?

– Антоша Степанович отличник, – напомнил Вениамин.

– Отличник не значит профи, чаще наоборот, – парировал Феликс.

Тем временем Женя ехидно заметил, выделив слово «он»:

– Феликс, но ОН услышал тебя!

– Кто – он? – озадачился тот. Сорин поднял глаза к потолку, сложив молитвенно руки. – А... Хм! Ну, в общем-то, да. Лучше неопытный отличник, чем княгиня морга Марихуана, кстати, диплом у нее тоже красный, как губная помада, да вот беда, толку – минус единица. Я лично доволен, что не увижу ее.

– А вот и я, всем привет! – вбежал взмыленный Огнев.

Энергичный и сухощавый мэн, перешагнувший сорока-летний рубеж года три назад, пусть внешне серенький и незапоминающийся, ну разве что скуластое лицо и впалые щеки записать в особые приметы, зато незаменим. Не выгорел он, как некоторые пофигисты в их специфической среде, короче, человек призвания, сейчас – поди, поищи таких, фиг найдешь. Именно так охарактеризовал его когда-то Феликс, когда Терехов поступил на работу, а сейчас забрызжал:

– Ждем-ждем тут, а их все нет и нет... Огнев, мы тоже могли за столом посидеть, поесть нормально...

– Какой стол, скажет тоже, – снимая пальто, возмутился криминалист. – Это у вас машины нормальные, а у меня старье и неотапливаемый гараж, пока заведешь, пока поедешь, а она как назло норовит... Ребята, куда повеситься?

– Вам веревку или крючок? – спросил Женя.

– Типун тебе на язык, – понял Огнев про какую веревку напомнил шутник. – Крючок, конечно, юморист.

– В прихожей, Станислав Петрович, – подсказал Женя.

Огнев убежал, вернулся без пальто, осмотрелся и «обрадовал»:

– О-о-ой... это до утра. Много здесь топтались?

– Прилично, – развел руками Вениамин. – Труп обнаружила мать, сами понимаете, бегала здесь, как... не знаю кто. Плюс мы, но мы аккуратно топтались.

– О, Веня, ты снимаешь? – беря свой волшебный чемодан-

чик, заметил Огнев. – Вот спасибо. Надо вызывать на подмогу, один я и до утра не управлюсь. Где труп? Его срочно дактилоскопировать надо на всякий случай... А кто протокол ведет?

И все друженько посмотрели на Женю Сорина, тот, соорудив кислую мину, отвернув от них лицо, высказал вслух горестный вывод:

– Ой, зря я когда-то похвастал, что пишу без ошибок.

– Такова доля твоя, – проходя мимо, ободряюще хлопнул его по плечу Феликс. – Петрович, убитый заждался тебя в той комнате.

Разумеется, вторая комната, судя по интерьеру, спальня. У одной стены добротная кровать (примерно полуторка), на противоположной стороне у окна с оборванной шторой, висевшей на честном слове, компьютерный угловой стол и офисное кресло для босса крупной компании. Туда и направился Феликс, обойдя труп, лежавший посередине спальни, и стоявшего на одном колене у тела Антона, который знакомился с Огневым. Здесь тоже царил редкостный разгром, Феликс не преминул озвучить наприсившиеся мысли по этому поводу:

– Салун, говоришь? Потасовка? А у меня впечатление, будто здесь рациональный погром был, чтобы испортить как можно больше имущества.

– Думаешь? – произнес Павел, потирая подбородок и осматривая пространство вокруг глазами Феликса. – Может,

это в результате драки?

– Паша, на кровать посмотри внимательно, – возразил опер, склонившись у рабочего стола. – Ее резали. Линии почти ровные... механически резали, лишь бы разрезать. И подушки резали. А вот ноутбук уколошили тупым и тяжелым предметом... предположительно кувалдой, где только взяли ее? Эт-плохо.

К данной минуте Павел очутился у кровати. Действительно, матрас изрезан острым предметом, предположительно ножом, как говорят в их среде. Обнаружив на полу простыню и одеяло, Павел поднял сначала простыню – она тоже изрезана, глядя сквозь разрезы на Феликса, он произнес:

– Искали что-то, м?

– Вот и первая версия, – машинально отозвался тот, не оборачиваясь. – А одну версию предлагаю сразу отправить в корзину.

– Какую именно?

– Ограбление. Грабители комп забрали бы. Хороший ноут, очень дорогой. Был. Отдадим Левченко, авось винт уцелел. Ух, варвары, такую машину уколошить! И фотоаппарат валяется на полу, по-моему, тоже дорогой. Штатив зачем-то сломали, лучше б забрали, в хозяйстве все сгодится. – Феликс обернулся и посмотрел на Павла, копавшегося в одеяле. – Что ты там ищешь, Паша?

– Да вот... изучаю разрезы, – ответил Терехов. – Зачем одеяло искромсали? Ну, матрас – понятно, там что-то иска-

ли, а простыня, одеяло? Не понимаю.

Феликс подошел к нему, с минуту рассматривал кровать, приподнял лежавшую на ней простыню и присвистнул, потом одеяло взял за угол, откинул в одну сторону, затем в другую и пожал плечами. Ничего не сказал. Он повернулся спиной к кровати и поднял глаза к потолку – люстра цела, как и в первой комнате. Павел последовал его примеру, так и стояли некоторое время, думая, наверное, об одном и том же: разгром – это либо демонстрация и намек на что-то, либо устрашение, либо искали нечто ценное.

Первым закончил работу Огнев, объявив:

– Отлично! Пальчики есть, значит, мальчик убит недавно.

Антон работал вместе с ним, делая и свое дело, и помогая криминалисту – все успевал, а посмотришь на круглые формы, таким пузырям только на диване лежать. Что характерно, новичок не суетлив, тем не менее быстр и ловок, еще сосредоточен и увлечен. Следователь и оперативник, стоя в позе бездельников, переглянувшись, удовлетворенно кивнули, оценив парня положительно. Безусловно, оценивать другого со всей строгостью – что может быть проще, это мы все умеем, и Феликс в следующий миг опустил уголки губ вниз, голову наклонил набок и приподнял плечи, что означало: ровнато возлагать надежды. Прошло не так уж и много времени, Антон, легко подскочив на ноги, сообщил:

– Труп можно грузить в машину, люди внизу, пора их вызывать.

– Успеется, – сказал Павел, идя к нему. – Что-нибудь расскажешь или... как обычно, после вскрытия?

– Конечно, расскажу, – округлил глаза Антон, почему-то удивившись. – Только если ожидаете открытий, это напрасно, на месте самый примитивный осмотр.

– Антоша Степанович, – перебил его Феликс, – валяй с примитива. Для начала, а там видно будет.

– Итак, – неожиданно по-деловому начал Антон. – При первом осмотре на теле убитого не обнаружено ни огнестрельных ран, ни резаных. После вскрытия скажу точно причину смерти, а пока только предположение.

– Да? – произнес Павел, в свою очередь изумившись, так как некоторые особо одаренные эксперты лишь после вскрытия делали выводы, но никак не раньше. – И какое оно... предположение?

– Похоже, забили парня до смерти.

– Забили? Считаешь, убийца был не один?

– Паша... – протянул Феликс. – Ты сам употреблял слово «убийца» во множественном числе, интуиция – родная мать сыщика. Но мне интересен вывод Антоши... э... Степановича. Давай, воркуй.

– Смотрите, он высокий, крепкий, спортивный, наверняка качался в спортклубах. Думаете, дал бы забить себя одному человеку? Как минимум их было двое, они не давали ему опомниться, пока мне так видится история смерти.

– Что ж, твое видение убедительно, – сказал Павел. – А

еще?

– Время смерти...

– Так быстро? – вырвалось у Феликса, он и брови поднял в удивлении.

– Пф! А чего тянуть? Измеряется температура тела и окружающей среды, затем есть точные признаки первичного окоченения, вторичного или отсутствие оных... Вы разве не знаете?

А глаза-то округлил, как у бешеного суриката перед кончиной, можно подумать, мальчик встретился с дилетантами широкого профиля. У Антона глуповатые реакции, отдают театральщиной, все же какой-то он... немного блаженный или несерьезный.

– Мало ли, что мы знаем, нам интересно, что ты знаешь, – весомо, будто экзаменатор, сказал Феликс. – Ну и когда?

– Понял, вы меня проверяете! – не к месту обрадовался Антон, подтвердив, что он странноватый. – Смерть наступила в промежутке между девятью и половиной десятого. Вечера, конечно.

– Ну и рекордсмен ты, Антоша... Степанович, уложился в каких-то полчаса, – засомневался Феликс.

– Нет, если хотите, считайте промежуток между девятью и десятью, обычно так все пишут в протоколах. Я обозначил более точное время, это несложно вычислить современными электронными средствами по тем показателям, которые вам называл. Что-то не так?

– Все так, так, – заверил Павел, кивая, как болванчик.

– Нормально, нормально, – закивал и Феликс.

– Тогда я побежал, – засобирался Антон. – Вызову мужиков, они заберут труп, после вскрытия доложу, что удалось из него вытащить. До свидания.

Павел и Феликс попрощались с ним, оставшись вдвоем, постояли над телом парня, которому жить да жить... Но сейчас дело в другом: почему Илью так жестоко убили, при этом не взяв хотя бы ценных вещей, которых здесь немного, но они есть? Это тот случай, когда никаких предположений с ходу не построишь, невозможно строить теории, не имея повода, то есть самого ценного – мотивов, улик и показаний. Не сговариваясь, Павел с Феликсом перешли в первую комнату, их встретил вопрос Вениамина:

– Тут еще фигурки есть, в коробке, их снимать?

Феликс подошел к шкафу, наклонился, так как Веня указывал на нижнюю полку, там и стояла картонная коробка с фигурками. Он выпрямился и уставился на экспозицию, если так можно назвать выставку, находящуюся на деревянной полке черного цвета. Расставленные фигурки, в определенном порядке, – заняли одну половину, каждая отдельно и строго в шахматном порядке. Три фигурки находились отдельно от остальной группы в противоположном углу, они не сразу бросались в глаза. Видимо, эти три штуки упали от толчка, когда здесь шла драка, остальные стояли ближе... почему не упали? Но эти три упали удачно, ровненько, хотя

это неважно. И последняя статуэтка стояла совсем отдельно от двух групп, впереди трех штук и у противоположной боковины.

– Павел, иди-ка сюда, – позвал Феликс. Когда тот подошел, он обратил его внимание на шкаф-витрину: – Посмотри, какая странная коллекция.

По привычке Терехов подробно изучал фигурки, он не раз утверждал: в зону интереса должно входить все, что хоть чуть-чуть выглядит аномально. К ним присоединился и Женя Сорин, выпятил губу:

– А в чем странность? Многие коллекционируют всякую фигню, у кого на что крыша настроена, то и скирдуют.

– Моя мама тоже коллекционирует статуэтки, только из Гжели, – поддержал его Вениамин. – Тоже маленькие: знаки зодиака, живность, человечки, дракончики.

Не удовлетворили Феликса объяснения:

– Судя по всему, здесь жил только убитый парень, он современный, молодой и... эта коллекция?

Тем временем выпрямился Павел и пожал плечами, идея насчет коллекции его не осенила, однако мнение свое он высказал:

– У молодого парня нигде не видно икон, но полно ангелов.

– Полагаешь, это ангелы? – наклонился к полке Феликс, чтобы убедиться в правоте Павла. – Мне показалось, феи, у многих крылышки есть.

– Фей изображают с длинными и тонкими ножками, – просветил Женя Сорин. – А тут все куколки в длинных платьях, значит, это ангелы.

– Отстань, Сорняк, – отмахнулся Феликс, выпрямляясь и одновременно беря одну. – На тонких ножках эти статуэтки не устояли бы. Может, они ценные?

Рассматривая статуэтку, он вертел ее в руке, заметил крошечный знак, но он был слишком мал, попросил Женю:

– Сорняк, взгляни, что за знак?

Женя взял статуэтку и, присмотревшись, вернул со словами:

– Это буква. Скорей всего латиница, значит, по-нашему читается как «П», а пишется, как «Р».

– А почему буква?

– Маркировка, думаю. Маркировки в основном на латинице.

К этому времени и Павел выпрямился, уверенно заявив:

– Вряд ли эти фигурки имеют какую-то ценность. Сам посуди, что в них ценного, только глина и краска? Некоторые даже раскрашены грубо, а какие-то безусловно дороже... рублей на сто. Не будем ломать головы, у матери выясним.

Их отвлекли трое полицейских, они пришли за трупом, Феликс поставил ангела на место и проводил их к трупу, те положили истерзанное тело в мешок, кинули на носилки и унесли. Огнев разрешил делать обыск в шкафу, с поверхно-

сти которого снял отпечатки пальцев, сам перешел к другому объекту. Женя Сорин поднял над головой смартфон, потому что раздался бой курантов, оповестив всех дополнительно:

– С Новым-Старым вас! Наконец он наступил, праздники закончились. Эх, сейчас бы шампусика и закусон от Настюхи... Я проголодался.

– А я бы рюмашку водочки пропустил, не успел дома хлебнуть, – посетовал Огнев, орудуя кисточкой по дверце книжного шкафа. – Только собирались за стол...

– Добрый вечер, а вот и я!

Абсолютно все, кто находился в комнате, застыли. Потому что, еще не видя, а лишь слыша голос Ольги Коноплевой, каждого наверняка посетила одна неприятная мысль: какого черта она приперлась? Потом все, как по команде, но медленно, словно на место преступления заползла кобра, повернули головы к входу... Не ошиблись, в проеме стояла она.

Ольга для своих тридцати не выглядит младше, как очень многие в ее возрастной категории, возможно, потому, что она консервативного типа, начиная от одежды и кончая внешностью. Пробовала Оля одно время соорудить на голове художественный беспорядок, да все отметили: не идет стержневой натуре легкомысленная стрижка. Ольга прочувствовала просчет и вернулась к строгой прическе, но женщину красят не кудри, не макияж и даже не одежда, а, как это ни банально звучит, внутреннее содержание. В остальном она крутая мисс, энергии в ней через край, власть врожден-

ная, что, конечно же, отталкивало мужчин. Да, она одинока, недобрые языки поговаривали, будто по этой причине и злая.

– Мама миа, Марихуана... – протянул Феликс с кислой миной. Как он только не называет ее, все, что из конопли производит криминальный черный рынок, приклеил к Ольге. – Тебя-то каким ветром занесло среди ночи в наш национально-эпический праздник, который не пропускает ни один порядочный человек?

– Значит, я непорядочная, – ухмыльнулась она. По всей видимости, Оля осталась довольна произведенным впечатлением. – Неужели не рад?

– Угадала, не рад, – не посчитал он нужным миндальничать с ней. – Амнезией заболела? А у меня память отличная, мы с тобой всегда не рады друг другу.

Их взаимное «обожание» известно всем, данная группа полностью на стороне Феликса, у которого к ней главная претензия, переросшая во вражду – профнепригодность. Судмедэксперт, важная единица в их деле, Оля допускала массу промахов, притом умудрялась скинуть свои непростительные ошибки на оперативников и следователя, терпели ее из-за дефицита кадров. Если все тактично обходили острые углы, связанные с неумехой, то Феликс лепил в лоб, что о ней думает, ибо ему, как старшему оперу, доставалось по башке и за того парня. Она платила ему той же монетой.

Ольга по-хозяйски обходила комнату, как будто она здесь главная, за ней, словно надсмотрщик, медленно двигался

Феликс, озадачившись: чего она притащилась, ведь просто так эта дива ничего не делает. Огнев, не отвлекаясь от дела, напомнил ей:

– Сударыня, не топчитесь, плиз.

– Ха! – отреагировала она смешком. – Здесь без меня на-топтано.

– Вот именно, – не спорил он. – Не стоит затаптывать то, что натоптано.

– Марихуана, – встал перед ней Феликс, – ты опоздала. Нам присылали потрошителя, он ускакал в обнимку с трупом, так что можешь проследовать напрямик в морг. Думаю, еще застанешь новичка в вашем ведомстве.

Ольга смерила его дерзким взглядом, но сколько торжества сверкнуло в ее обычно невыразительных рыбьих глазенках, как будто выиграла миллион в лотерею. А заворковала так и вовсе в незнакомой тональности, что подозрительно:

– А я больше не работаю экспертом.

Да уж, весть радостная, однако никто не захлопал в ладоши, подозревая некую западню. Она быстрым взглядом пробежалась по лицам, проверяя, насколько они «довольны», но лица остались бесстрастными, все ждали, что за ее вестью кроется. И она поспешила сообщить сногшибательную новость, дабы обломать «гадского опера», как прозвала Феликса:

– Я перехожу на следовательскую работу, меня определили к вам в группу набираться опыта, хотя... Хм, думаю, зна-

ниями могу поделиться сама.

Похоже, не шутила, у Оленьки отсутствует чувство юмора, о чем старая дева не подозревает. М-да, хуже подарка на Старый Новый год не бывает, вот уж точно: старый праздник потащил за собой и старые проблемы. Наступила немая сцена, через длинную паузу все-таки Огнев решился прояснить:

– Олюшка, птичка моя, твое образование несколько из другой сферы, ты не находишь, нет?

– Разумеется, не нахожу, – ответила она с самодовольным видом. – Я приобрела второй диплом, позволяющий мне занимать должность следователя.

– В переходе приобрела? – поддел ее Феликс.

– На курсах, – бросила ему она. – Платных.

Пикировки ни к чему, не то место, Павел мягко осадил Ольгу:

– Ну, раз прислали набираться опыта, то садись вон туда, – указал он в угол. Очень символично, это типа наказания. – И набирайся.

Она не выполнила просьбу, а ведь по факту это приказ, все-таки в их ведомстве не пирожками торгуют, а Терехов не повар, анархии не должно быть ни в каком виде. Ольга отошла к дверному проему и облокотилась спиной о стену, что по сути выглядело вызовом. Худо, очень худо.

Санчо въехал во двор, снял шлем и закрыл ворота.

В окнах горел свет, но это ничего не значит, Ника способна спать и при ярком электрическом свете, и при дневном, у

нее состояние сурка. В старый гараж, пристроенный к такому же старому дачному домику, мотоцикл катил медленно, снега здесь навалило прилично – почти до середины колес. И с неудовольствием подумал, что завтра придется махать лопатой, с другой стороны, гиподинамия бич современного человека.

Закрыв гараж и по привычке проверив, насколько прочен замок, ведь мотоцикл – самая дорогая его вещь, Санчо взбежал на крыльцо. Он потопал ногами, сбивая налипший снег, одновременно ежась, все же на мотоцикле зимой ездить далеко не айс. Но куртка на нем теплая, на меху, штаны утепленные, шлем закрывает лицо от ледяного ветра, остальные неудобства можно пережить, тем более к неженкам он не отнесится. Наконец, Санчо вошел в дом.

Здесь тепло, пахло дровами. Он снял верхнюю одежду, переобулся в тапочки, открыл дверь в комнату. Ника сидела на диване, поджав под себя ноги, закутанная в бабушкину шаль, она смотрела телевизор и вряд ли что-то там видела. Санчо этот взгляд знает – когда человек смотрит прямо, на самом деле внутрь себя заглянул и ужаснулся, не зная, что теперь с этим делать. На звук она повернулась к нему, выжидающе уставилась, ничего не спрашивая, хотя вопрос отпечатался на ее лице. Спросил он:

– Почему не закрылась на замок? Я же говорил, мало ли кто здесь бродит, все же это окраина города.

– Забыла, – произнесла Ника, опустив глаза.

– Ладно, замяли... – потирая ладони, сказал он. – Старайся не забывать, хорошо? Есть хочется... чего-нибудь горяченького. Немного подмерз.

Ника спустила ноги на пол, нащупала ступнями в вязаных цветных носках тапочки и отправилась в кухню. Это хорошо, что не сопротивляется, ей надо давать задания, постоянно заставлять что-нибудь делать, к такому выводу он пришел. А как еще вывести из депрессии? Только загружать работой, обязанностями, ответственностью, она же неопытная, с трудностями не умеет справляться.

Поскольку мама с бабушкой нагрузили его еще днем всякими вкусностями, Ника лишь подогрела еду и заварила свежий чай, чашку с горячим напитком поставила перед Санчо. С чая он и начал поздний ужин, после первого глотка удивленно поднял брови:

– А что здесь?

– Специи, – ответила Ника, накладывая на тарелку мясо и салаты, которые традиционно готовят по праздникам. – Так мама готовила от простуды.

– Я вроде не простужен... но спасибо.

– Ты же перемерз. Рассказывай, не тяни.

О, прогресс налицо: Ника заботится о других, а не тупо смотрит в одну точку, сидя на диване. Санчо... надо сказать к знаменитому оруженосцу Дон Кихота он не имеет отношения ни внешне, ни по характеру, скорее, полная противоположность. Просто на курсе было четыре Сашки, когда вы-

крикивали имя, все четверо откликались, однокурсники сообразили: каждому Сашке надо дать отдельное, но производное прозвище, ему досталось по жребию – Санчо. Он поднял глаза на Нику и тут же снова уткнулся в тарелку, наколот на вилку кусок мясного рулета и отправил в рот, он у него большой, вместительный.

– Санчо... – настороженно произнесла Ника, догадавшись по его лицу, что сказать ему нечего.

– Я приехал и не застал его, – фальшиво-беспечным тоном сказал Санчо. – Решил подождать в подъезде, я точно знал, что он дома. Но позвонила Килька...

– Килька? – не поняла Ника, как килька может звонить.

– А, да, ты же не знаешь... Это сестра младшая, Ленка, худая, как щепка, я и дразню ее Килькой.

– Можно подумать, ты упитанный.

Далеко не упитанный, напротив, он высокий и худой, точнее, жилистый, а жилистые люди сильные, при всем при том Санчо довольно стеснительный. Даже когда делает правильный шаг, преодолевает стеснение, боясь показаться навязчивым. Впрочем, бабушка называет это скромностью и сокрушается, что он излишне скромен и снисходителен, мол, в наше время данные черты доставляет массу проблем. Ну, в общем-то, это так и есть, народ принимает снисходительность за слабость и подвергает парня глупым шуткам, глупым – потому что однокурсники младше, им хочется показать себя крутыми пацанами, это смешно, не более. Вот и сейчас он

стеснительно буркнул:

– Я нормальный.

– Не хочешь говорить? Что-то случилось, да?

Санчо не ответил напрямую, просто продолжил:

– Килька думала, я на даче, просила привезти бабушкин ортопедический корсет, поясницу прихватило. Ехать сюда далеко, я сгонял в аптеку, меня отправили по другому адресу, купил и привез, потом назад...

Ника слушала и думала: «Зачем он так долго рассказывает? Точно что-то не то...» А Санчо закатил паузу, заполнив ее интенсивным поеданием маминых яств, не специально, нет, просто соображал, как сказать неприятную новость. Украдкой бросал на Нику вороватые взгляды, а она такая умненькая, все понимает и... не понимает ни черта в силу отсутствия жизненного опыта.

Нике двадцать два, но мозги шестнадцати лет – не развились, только физически она впечатляет – высокая, статная, формы имеет округлые, плавные, отсюда и выглядит старше. Плюс славянская внешность – голубоглазая блондинка с кожей молочного цвета, она реально похожа на прекрасную фею. Еще одно бесспорное достоинство Ники – ее жизненный опыт составлял ноль целых, ноль десятых. Однако тяни или не тяни, ничего ведь не изменить, и Санчо проговорил на повышенной скорости:

– Когда я вернулся в полной уверенности, что он уже дома, дверь квартиры была немного открыта... то есть нор-

мально так открыта, можно было войти... Я сначала заглянул внутрь, в общем, свет горел... все, что умеет гореть, было включено. В прихожей... даже не знаю, как сказать... Там будто погромщики побывали и все разнесли. Внутри слышал голоса, войти не рискнул. И вдруг женщина как закричит... Я и рванул наверх. Не хватало вляпаться в историю. Ты не подумай, я не из трусости... из предосторожности... Нет, не собирался удирать, сначала надо было выяснить, что происходит, а потом уж действовать, верно?

– Я ничего такого не подумала, – перебила длинноватый монолог нетерпеливая Ника. – Говори прямо, что там случилось?

– Кричала его мать, ее увезли врачи. Внизу, кстати, стояла скорая, значит, к ней приехали. А самого Илью... его вынесли в мешке. Такой черный мешок... м... для трупов.

– Мешок? Для трупов? Но если в мешке был... Ты уверен?

– Что в мешке был он? Лица, конечно, я не видел, мешок был застегнут на молнию... А почему мать так кричала, почему ее врачи под руки увели? Она не в себе была. И в квартире разгром. Еще там слышались голоса... мужские. Сама подумай: медики, какие-то мужчины, безумная мать, открытая дверь... менты там были. Похоже, пришили его, Ника. Пришили.

Так как Санчо отодвинул тарелку, Ника, ничего не сказав, принялась убирать со стола. Когда происходят такие события, в них не сразу и веришь. Разумеется, человек смер-

тен и даже внезапно смертен, как сказал классик, сама по себе смерть не должна удивлять, это естественный процесс. Но внезапная смерть от руки убийцы всегда роняет в душу страх, что жизнь слишком хрупкий подарок, защитить ее практически невозможно, и чужая смерть примеряется на себя. Правда, подобные мысли беспокоят людей много старше, молодые полагают, будто они бессмертны, но у двух полуночников особые обстоятельства, выбившие их из привычного состояния. Наконец, Ника присела напротив Санчо за чистый стол, робко спросила:

– И что теперь делать?

– Сколько времени? – не ответил он, потому что не знал ответа.

– Три часа ночи.

– Я забыл... С Новым годом. Вдруг он будет лучше старого?

– Мне кажется, лучше уже не будет никогда, – вздохнула она.

– Будет. Обязательно будет.

Из ее прозрачно-голубых глаз выкатились прозрачные слезы, но Ника еще не знала, что, кажется, и он попал круто.

Рассвет зимой уныл и безлюден...

Между прочим, после праздников обостряется ощущение пустоты, а то и конца света, подобное настроение Павел почувствовал, поглядывая на Феликса, но помалкивал, пока не развез по домам Вениамина с Женькой. Ребята еще зеле-

ные, при них обсуждать проблемы, задевающие самолюбие, нетактично, некорректно, неэтично, ибо пострадавшая сторона без того чувствует себя униженно. Наконец Павел и Феликс остались одни, мчались по вымершим улицам, встречая почти пустые трамваи и троллейбусы, маршрутки и автобусы – редко кто ехал в столь ранний час на работу. А у них закончилась рабочая ночь, но это дело десятое, внимание сосредоточено на удрученном Феликсе, надо бы как-то вернуть его в прежнее состояние.

– Послушай, – заговорил Павел уверенным тоном, который просто обязан внушить оптимизм другу. – Ее слова ничего не значат, ты же в курсе, какая Ольга лживая. (Феликс отмолчался, это не в его духе, стало быть, серьезно приуныл.) Я постараюсь встретиться с другом отца, он узнает точно, правда ли, что эта стерва (впервые Павел выразился грубо о женщине) займет твое место. Если правда, я постараюсь убедить, что это нонсенс: патологоанатом – и вдруг следователь, ситуация достойна комедийного кино.

– Судмедэксперт, – вяло поправил Феликс.

– Повеситься можно от счастья, что ее прилепили к нам, – не на шутку разошелся Павел. – Какой из нее эксперт, мы отлично знаем: уровень санитаря.

– Не стоит ни к кому обращаться, – воспротивился Феликс на сей раз в своей категоричной манере. – Не люблю, когда за меня начинают хлопотать, будто я действительно ничего не стою.

– А я за себя буду хлопотать, из эгоистических соображений.

– Но тебе-то выгодно, чтобы я оставался оперативником...

– Нет. – И Павел взглянул на него с укором, но Феликс угрюмо смотрел в лобовое окно. – Мне выгодно, чтобы твое моральное состояние было в норме. Кстати! Твоя смена профессии никак не скажется на нашей работе, мы просто будем вести и твои, и мои дела, не объявляя об этом окружающим, кроме наших ребят. Как я придумал, а?

– Классно, – без оптимизма отозвался Феликс.

– И уж тем более невыгодно, чтобы злобная баба маячила каждый день перед нашими носами. От нее в морге не было прока, а у нас... нам она будет только мешать. Зря мы ее покрывали!

На некоторое время в салоне воцарилась пауза, так происходит, когда диалог не завязывается, а Павел постарался смягчить удар:

– Знаешь, самая большая ошибка, когда неудобно, неловко обнародовать несостоятельность человека, открыто сказать о постоянных ошибках, которые не только мешают работе, в тупик ее загоняют. Чертовой лояльностью мы нажили себе головняк... Ты приехал. Можешь до понедельника гулять, раньше все рано ничего не добудем. Если мать убитого придет в себя, позвоню.

Открыв дверцу и ступив ногой на асфальт, Феликс обер-

нулся:

– Забыл сказать, в понедельник у Насти экзамен, я поеду с ней, у тебя буду только после сдачи.

– Экзамен? Какой, где?

– В ГИБДД. На права. Я разве не говорил? Ребенок появится, его нужно будет возить то к врачу, то еще куда, а я не всегда смогу это делать. Поэтому сдал Настю на обучение. Экзамены принимал лично каждую неделю, чтоб от зубов... Вождению учили мы с инструктором, она у меня выучила устройство автомобиля от и до, я знаю хуже. Гоняли ее, как Тузика по арене. А как иначе? Я же не папик, которому все равно, что будет с его пассией, если та в аварию попадет, – другая быстро заменит. А мне нужна уверенность, что Настя отличный водитель, поэтому сдавать будет на общих основаниях, без договорняка.

– Разумно. А когда экзамен?

– В десять утра. Сначала теория, потом вождение. Пока.

Феликс взбежал на этаж, перешагивая через три ступеньки, открыл дверь своим ключом, вошел на цыпочках, полагая, что Настя спит. Он лишь тихонько заглянул в спальню и отправился в ванную, там стащил с себя всю одежду и, сунув ее в стиральную машину, встал под душ. Стыдно признаться даже самому себе, но кровяца, труп, разгром... ощущение, будто все это остается на одежде. Феликс брезглив, поэтому первое, что делает после места преступления – бежит в ванную. При этом в другой сфере он себя не мыслит, мало то-

го, не хочет даже гипотетически изменить профессии – вот такой парадокс.

Запахивая халат, сшитый Настей, улыбнулся: она глупых трат не делает – только на то, что не сможет смастерить собственными руками, а шьет гениально. И что интересно: когда жил один, денег ему не хватало, сейчас их двое, Настя не работает, а денег не только хватает, еще и остаются – уметь надо! После ванной настало время заглянуть на кухню, а там Настя.

– Ты почему встала? Я разбудил?

– Нет, – сказала она, подставив ему щеку. – Просто почувствовала: ты здесь, вот и проснулась. Ты же голодный, не спал всю ночь... Садись.

Он чмокнул ее в щеку, потом обнял со спины, спросив:

– Что у нас на завтрак?

– Всего полно. Ты поспать успеешь? Или поешь и победишь?

– До понедельника никуда не побегу.

– Да ну! – Настя повернулась к нему лицом, обняла за шею. – Тогда... Мы же не успели отпраздновать, а холодильник забит, часть на балконе. Давай ребят позовем? А то мои труды пропадут, мы с тобой не съедим... Чему ты улыбаешься?

– Подумал, что ты скряга.

– Да, меня жаба душит выбрасывать столько продуктов.

– Тебе охота возиться? Не устала?

– Мне нравится, когда собираются все вместе.

– В таком случае... сначала я поем, потом лягу спать, а ты... зови. Но сейчас меня корми! Подожди, сначала...

Конечно, сначала поцелуй, как без него начинать новый день?

* * *

Тем временем Павел приехал не домой, где живет с мамой, а к Тамаре, дверь открыл своими ключами. Встретила его Грета, собака породы коккер-спаниель, черная, как уголек, и деликатная, но иногда. Хозяйка спит, и Грета не посмела будить ее радостным лаем, Павла она принимала за своего и шла к нему подобострастно, опустив голову и виляя хвостом, с полки попутно стащила тапку, поднесла гостю. Он присел на корточки, взял тапку, если не взять, Грета будет ходить за ним, пока не заберет, затем погладил ее по голове:

– Вот спасибо, умница. Гулять хочешь? Ну, пойдём.

Сняв со стены поводок, он выпустил собаку, вылетевшую пулей, и вышел за ней. К радости Греты, гулял долго, потому что думал. О чем? Обо всем. Пауза нужна – край. Когда в привычный ритм врывается непредвиденное обстоятельство, хотелось бы понять: что это, зачем и как быть. Говорят же, будто первая мысль, мелькнувшая в голове, – подсказка, как именно все будет, только она и верна, а первая мысль у Павла была далеко не позитивной. Не наметив тактической

линии, он позвал Грету и поднялся на этаж.

В квартире пахло кофе, да и собака почуяла, что хозяйка уже на ногах, посемену разлаялась, давая понять, что страшно голодна, просто умрет сию минуту. Из кухни показалась Тамара в длинном и легком халатике, причесанная и свежая.

– А я запаниковала, думаю, куда это моя Грета подевалась. Потом в окно смотрю, а там ты ходишь с задумчивым видом. Чай или завтрак?

– То и другое сразу, – снимая верхнюю одежду, ответил он.

Горячие бутерброды – любимая утренняя еда Павла плюс чай с лимоном, но ел он вяло.

– Ты какой-то угрюмый, – заметила Тамара. – Неудачно съездили?

– Убийство не может быть удачным, – проямлил он.

– Извини, я не так выразилась. А кого убили?

– Парня. Двадцать три года. С чего начинать, пока не знаю, да дело не в этом. Феликс скоро получит диплом, ему обещали должность следователя, одна штатная единица была, для него держали. Вдруг в разгар работы приезжает дама и объявляет, что ей отдали эту должность и приставили к нам набираться опыта.

– А почему ее взяли? Она как специалист лучше?

– Ноль, абсолютный ноль во всем. К следствию имеет отношение, как повар к космонавтике, хотя по сути... По сути она санитарка с высшим образованием, но значилась суд-

медэкспертом, как раз как эксперт – никакая. В расследовании убийств вскрытие трупа играет значимую роль, часто именно эксперт наталкивает на правильный выбор версии, но при условии, что работает профессионал. Видишь, мы даже в разных учебных заведениях учились, но она смело лезет лабутенами в следствие.

– Она носит такую ужасную обувь?

– Нет, это я так... Мне же не приходит в голову занять ее место в морге, а она запросто решила, будто способна без специфических знаний, образования и навыков переступить через Феликса. Он очень расстроен, очень. В общем, на нас свалилась злющая, мстительная, неумная баба с завышенной самооценкой.

Тамара никогда не слышала, чтобы он отозвался в резком тоне о человеке, Павел деликатен, также впервые видела его несколько... ей даже сложно подобрать точное слово его состояния, он ведь сдержанный. И все же взбешен. В рамках держится, но взбешен. Долг женщины успокоить своего мужчину, однако жизнь научила ее произносить слова, предварительно обдумав, ибо не всегда люди нуждаются в болтовне, иногда достаточно их выслушать. И она выдержала паузу, наполнив ее, подливая чаю в чашку Терехова, а себе кофе, только после решилась:

– Павлик, я наделала очень много ошибок, не мне советы раздавать, только... Только знаешь, рано или поздно ситуации разрешаются, все становится на места, это я не раз ви-

дела вокруг, да и на собственном опыте успела проверить. Правда, нет гарантии, что станет лучше, несмотря на многие плюсы, ведь травмы даром не проходят, особенно моральные. Надо научиться ждать. Да, ждать, когда ничего не можешь изменить.

– Слабое утешение. И бесполезное в нашем случае.

– Да хотя бы банальное чувство удовлетворения появится, что справедливость, пусть запоздало, но восторжествовала. Тоже немало, м?

Глядя в упор на нее, Павел думал о своем, хотя в голове попутно откладывал все, что она говорила, – привычка такая. А думал о том, что Тамара тоже терпеливо ждет. Полгода у них отношения... нет, не роман... или не совсем роман, по его мнению, отношения сугубо взрослые. Что это значит? Есть постель, есть взаимопонимание, уважение – безусловно, но нет жестких обязательств. Видимо, Тамара терпеливо ждет от него справедливого поступка, притом никогда даже не намекала на нечто большее, только вот сегодня ее слова прозвучали со вторым планом, они похожи на далекий намек. А Павла все устраивает, менять что-либо он не готов, да и хочет ли – большой вопрос, в конце концов, оба прошли свой брачный путь (неудачный), зачем снова наступать на грабли? Его заботил сейчас только климат на работе:

– Чувствую, с Ольгой у нас будут одни проблемы. Разговаривала с нами, будто мы поступили к ней в секретари, а довольная была... как пьяный таракан.

Тамара не удержалась, прыснула:

– А тараканы бывают пьяными?

– Думаю, бывают... – задумавшись, но явно не о тараканах, с серьезной миной произнес он. – Не знаю. Ничего не знаю...

Он и правда не знал, с чего начинать новое дело, нет ни одной зацепки, чтобы оттолкнуться и раскручивать историю убитого молодого парня, а тут еще и вредоносная Оля...

Бела торопилась добраться домой.

Но как же тяжело с тремя сумками, набитыми деревенскими припасами, да по скользким дорожкам, да поздним вечером, точнее, практически ночью – большинство уже пятый сон видит. И никого на улице. Город словно вымер. Тишина... Пустота... Скрип-скрип... поскрипывает под сапогами снег. Бела не робкого десятка, сто килограммов красоты при росте метр семьдесят три – пусть насильники боятся, но она же женщина, страх неожиданности знаком и ей. Нет, ну, правда, вдруг невесть откуда появится нечто злобное и напугает до смерти, главное, первый момент не пропустить, тогда она... ого-го! От назойливых мыслей Бела прибавляла шаг, озираясь по сторонам, вот и думай, что лучше: когда народу полно и всякая мелочь путается под ногами, или безлюдье?

А виноват рейсовый автобус: застряли почти на три часа посреди степи и – хоть плачь. Перемерзли, пока водитель починил колымагу, не преминула Бела помянуть его недобрым

словом вслух:

– Козел! Кто выезжает на испорченном транспорте? Людей, сволочь, везешь, а не кирпичи...

Уже в городе в теплой маршрутке Бела еще трясло от холода, согрелась только спеша к дому, даже взмокла, потому что наконец тело отошло от холода. Она остановилась у фонаря, поставила у ног сумки, решив передохнуть, ведь и подустала, и запыхалась. Осталось совсем немного: пройти сквер по прямой и широкой дороге, кстати, он хорошо освещен, просто сияет весь, за ним рукой подать до многоэтажек. Бела ослабила ажурный белый шарф, которым покрыла сверху голову вместе с норковой шапкой, немного освободила шею, убрала волосы, выбившиеся из-под шапки, чуточку отдышалась и двинула дальше.

Она благополучно прошла сквер, осталось шагов двадцать до границы, тут-то и случилась неожиданность, которой боялась. Сначала Бела услышала помимо своих шагов – чужие. Естественно, оглянулась. Рот Белы открылся сам собой, но она не закричала, не до того, а удивилась, правда, это мягко сказано. Мужчина (по фигуре поняла, что мужик) был уже близко и замахивался. Сумки! Грабитель! Эти мысли мелькнули в голове, а дальше... все случилось с молниеносной скоростью.

Бандит промахнулся. Потому что Бела не ворона, жизнь у нее одна и бесценная, к тому же по голове неизвестно чем получить совсем не хотелось – это, надо полагать, боль-

но. Выпустив из рук сумки (звякнули банки, кажется, разбились), она немного присела и эдак в сторону корпусом... Удар длинной штуковины (в темноте не разглядела, что конкретно было в его руках) пришелся аккурат на бок шапки и соскользнул на плечо. Шапка качественная, с толстой стеганой подкладкой, шуба мутоновая и воротник тоже, боль была, но это некритично. А мужик, сволочь, ждал, когда она рухнет к его ногам. И вот тут Бела выпрямилась...

Он попытался замахнуться, но она недаром занималась спортом в свое время, правда, ее ответный удар ногой к тому виду спорта не относился, удар ближе к карате или чему-то в том же роде, честно говоря, она понятия не имела. Просто врезала с воплем каратиста. Мужчина летел... как снаряд из пушки, столкнулся со скамейкой, совершил кульбит и хлопнулся на спину. А на дворе зима, скользко, он и заскользил в лежачем положении дальше. Тем временем Бела подхватила сумки и побежала домой, балансируя на отшлифованных местах и едва не падая. Оглядывалась, конечно, но придурок за ней не гнался.

В лифте Бела расстегнула шубу и, находясь в безопасности, рассмеялась, вспомнив, как кувыркался налетчик. Заныло плечо. Но это ерунда, она хохотала, радуясь, что легко отделалась. В квартиру вошла тихонько, сняла шубу, сапоги и потащила сумки на кухню, их следовало разобрать.

– Вот гаденыш... – расстроилась Бела, доставая осколки пол-литровой банки, в которой еще недавно было малиновое

варенье. – Откуда он свалился?

– С кем ты разговариваешь?

Она оглянулась, и губы ее расплылись в улыбке, глазки засияли, словно в них вселились солнечные лучи, только так Бела встречает любимого (без иронии любимого) мужа. Неважно, что Федя невзрачный, рядом с ней, купчихой, как прозвали Белу на работе, конечно, за мощную красоту, не иначе, он тушевался, становился незаметным. В пижаме еще как-то смотрится, потому что она велика, а в одежде худенький, скромный, некрасивый, да разве это главное? Обоим по тридцать пять, оба уже научены: нет ничего важнее понимания и уважения, на которых держится она – да, да, большая и светлая любовь.

– Ого! – проговорил Федор, идя к ней. – Это все ты сама тащила? Эй... А почему так долго?

– Ой, – махнула она рукой, чмокнула его в небритую щеку и рассмеялась без причин, наверное, от счастья. – Автобус сломался, застряли на три часа.

– А позвонить?

– Угу, как? Связи не было, по бокам лесопосадка, а за ней степи-пашни.

Федор приподнял одну из сумок и рассердился:

– А когда приехала? Я бы встретил, помог... Нет, зачем столько тащить на себе, у нас что, денег нет, чтобы купить?

– В супермаркетах? Пф! Смотри: курочка, уточка, кролик... Свежак! Это мамочка с дедом вырастили, разве срав-

нить с просроченной дохлятиной из супермаркета?

– Да бросай возиться, пошли спать. Поздно уже, а завтра на работу обоим. Иди, я отнесу все на балкон.

– И то правда, устала как собака, – согласилась Бела.

Только утром в ванной, глядя в зеркало, она обнаружила огромный синяк на всю шею с левой стороны, градиентом спускающийся на плечо. Сзади присвистнул Федор:

– Фью! Откуда украшение?

– Вчера на выходе из сквера напал один козел... Ограбить надумал. Меня – ха! Это от палки его синяк... странно, я почти не почувствовала удара. Нет, ты не думай, от меня этому гаду тоже досталось. Я ему врезала с ноги, и он в сквере восемь лавочек посчитал.

Осторожно дотронувшись пальцами до кровоподтека, Федор с сочувствием поинтересовался:

– Болит?

– Немного, когда резко рукой пошевелю, а так... ерунда, пройдет. Ой! Я же не одета! Иди, завтрак готов, ешь. Я сначала оденусь.

– Надо бодяги купить в аптеке, – озаботился Федя. – Поделаем примочки, пройдет быстро, мне мама так синяки лечила. Я забегу в аптеку, сам куплю.

Ах, как она это ценит – заботу, как благодарна и как счастлива.

Часть вторая

Непростые обстоятельства

Понедельник начался уныло, но для Болека неизменно скучным является каждое утро, да и каждый час, проведенный дома, похож на «испанский сапог». Это такое железное приспособление, в Средневековье во время пыток надевали на ногу и закручивали, стискивая ступню до треска костей. Боек ощущал испанский сапог на всем теле, он давил даже на мозги, словно их сдавили железные тиски невыносимых правил, странных отношений, полного недопонимания и тоски. Прибежал он на завтрак самым последним, мама бросила ему молчаливый упрек, папа, не соизволив даже взглянуть на сына, произнес вяло:

– Опять до утра торчал за компьютером?

С трудом Боек сдержал проклятый зевок, рвавшийся окончательно выдать ночное бодрствование, соответственно вызвать гнев родителя, которому иногда нужно показать, что он родитель, а не посторонний. Он схватил кофейник и наливал в свою чашку кофе, чтобы с первым глотком хоть немного взбодриться, иначе зевками папу выведет из себя, потом тот долго не вернется обратно. Пролил кофе на матовую скатерть, и папа заметил, папа замер... приподнял веки... О, как не хотелось Болеку, чтобы утро осквернили но-

тации, поучения, упреки, наставления! Но папа молчал. Пока молчал, он набирался сил, чтобы выдать сыну по первое число (и по второе). Почувствовав, как атмосфера накаляется перед извержением, мама увела в сторону:

– Болеслав, тебе на голодный желудок кофе пить...

– Можно, – перебив мать, сказал сын и натянул улыбку.

Это не вызов, не протест, не-не-не! Болек, наверное, самый миролюбивый человек на планете, но эту правильную черту, способную спасти человечество от истребления себе подобных, считают слабостью, бесхребетностью, безволием. И внешне не совсем удался, две сестры за столом хорошенькие, как на старинных рождественских картинках, одна в первом классе, вторая в девятом, обе светловолосые и с глазами оленят. А он долговязый, сутулый, с вечно виноватым выражением на вполне, как ему виделось, удовлетворительном лице, даже интеллигентном в отличие от папиной физиономии. Обычно очки портят внешность, но роговая оправка придает Болеку некоторой солидности.

– Я побежала, – подскочила Леся. – Мы сегодня дежури́м. Па-а?..

Папа сигнал услышал – как же, как же не доставить принцессу до порога школы! Отец решительно поднялся, допивая кофе, поставил чашку и ушел, не попрощавшись, к радости Болека не затеяв длительную речугу. Впрочем, радость относительная, его угнетали отношения с отцом, который ждал от сына великих свершений, а свершать-то нечего, да и не хоте-

лось. Все жаждут в детях видеть гениев, а претензии предъявлять к себе надо: что сделали, то и получилось. С их стороны странно ждать генетического шедевра, произвольно Болек произнес, в сущности, ни к кому не обращаясь:

– Чего он меня так не любит?

– Ну, что ты, Болек, – заерзала мама, стыдливо потупившись. – Папа переживает за тебя, он видит в тебе своего преемника, наследника его дела...

– Мама! – протянул он хрипло и со стоном, словно удавка сдавила его шею, и поднялся. – Я в универ.

– Постой, мне Юлю отвозить, отвезу и тебя.

Неплохо. Развалившись в салоне на первом сиденье, Болек машинально погладил обивку тыльной стороной ладони, впервые подумав, что папа не разорился на машину для него по примеру других папаш. Сам он не просил, а отец не предлагал. Партнеры отца купили своим отпрыскам по машине, некоторые по второй – первую детки укокошили. Дело, конечно, не в машине, Болек не принял бы такой подарок из принципа, просто это один из множества маркеров отношения отца к нему, между ними давно установилась обоюдная неприязнь.

– Болеслав... – строго (хотя мама не всегда строга с ним) обратилась к нему Ирина Матвеевна, уверенно справляясь с рулем. – Перестань дуться на отца.

– Я разве дуюсь? – промямлил Болек, глядя в окно.

– Ну, пойми, ты немножко инертный, а ему хочется...

– Мама! – взял он жесткий, типично мужской тон, на него это не похоже. – Я ненавижу юриспруденцию, понимаешь? Всей душой, мозгом, телом, руками, ногами и глазами! Ненавижу в постановлениях предложения на целую страницу и со всеми сложносочиненными маразмами! Это читать невозможно, а запомнить тем более!

– Но, сынок, для того чтобы ты продолжил его дело, нужно сначала изучить юридические уловки, чтобы тебя не обманули, не кинули...

– Ма, не разговаривай со мной как с пятиклассником. А кто сказал, что я хочу продолжить его дело? Кто решил за меня?

Болек не вспылал, напротив, перешел на спокойную тональность, загнав маму в тупик, ведь трудно убеждать сына в том, в чем она сама не уверена, а ему, судя по всему, абсолютно не нужно. Он взрослый, ему двадцать два года, хотя все равно еще дурачок, однако неплохой парень, в конце концов, право выбора все равно останется за ним. Щадя его, Ирина Матвеевна попыталась сгладить неловкую паузу:

– Я понимаю тебя, честное слово. Только фотоаппаратом много не заработаешь, а у тебя рано или поздно будет семья, ее нужно содержать...

– Много – мало – это относительная градация, мама.

– Просто ты не знаешь, что такое – мало. Ты, родной, имеешь все, забот у тебя нет, а вот без денег... Хорошо, у меня компромиссное предложение. Ты получишь диплом, а потом

решишь, чем намерен заниматься. Просто получи корочку. Желательно, с хорошими отметками, ну, угоди папочке, сынок. Договорились?

Сын молчал. Значит, не согласен, да поделывать ничего не может, пока не может, потому что еще не окреп как личность. А главное, она понимала: Болек непримирим с ее позицией просто потому, что получился лучше мамы с папой, да-да-да. Он не клянчит денег, по барам с девками не шляется, как дети их круга, не хамит, по-честному учится, несмотря на большую нелюбовь к выбранной папой профессии, на просьбы откликается, не хитрит, не юлит... Да, он лучше. Во всяком случае, про себя она именно так думала, вслух озвучить не решалась – муж, кормилец и поилец, отреагирует бурно на ее мнение о собственном ребенке. Однако хмурым сын так и не сказал ни слова, а молчание трактуется умными людьми как согласие, она с улыбкой произнесла:

– Вот и отлично. А пока учишь, остался всего год.

– Угу, еще год без этого года, итого целых полтора.

– Учишь, Болек, – с заднего сиденья подала писклявый и строгий голос Юля. – А то будешь работать таджиком у папы на стройке.

– Кыш, малявка, – беззлобно бросил он через плечо. – Мама, в нашей семье девчонки тоталитарного склада, они всех строят, не завидую их мужьям. Леське пусть папа свой бизнес доверит, ей подойдет, она любит указывать, коман... Останови, ма!

Автомобиль завизжал, скользя колесами по утрамбованному снегу на проезжей части, еще не остановился, а Болек отстегнул ремень, открыл дверцу, затем выскочил и побежал, едва не падая.

– Ненормальный, эдак шею когда-нибудь свернет, – проворчала Ирина Матвеевна, трогая машину с места. – Куда это он сорвался?

Вдоль высокой ограды из железных прутьев шла только одна-единственная девочка. Студентка, наверное. Затем в зеркало заднего вида она разглядела, что сын сорвался к этой девчонке в дутой куртке безумных расцветок и размером оверсайз с тремя плюсами.

– Привет, – бодренько сказал Болек, догнав Руслану и подстраиваясь под ее шаг. Снизу (девushка небольшого роста) она бросила в него хмурый взгляд и снова погрузила нос в мохнатый шарф всех оттенков синего цвета. – Тебе не кажется, что мы опаздываем?

– И что? Погода хорошая, полезно гулять.

– Ладно, – без боя сдался Болек. – Гуляем.

Если его несколько не привлекала юриспруденция, наука манипуляций и лжи, как он считал, то Руслана училась прилежно, с другой стороны, ее паинькой не назовешь, она из породы непредсказуемых, эпатажная. Если рисует лицо, то с непривычки можно испугаться до заикания: губы черные или сине-фиолетовые, веки – в тон, с абстрактными рисунками вокруг. Если прическа, то в зависимости от состо-

нения-настроения, начиная от цвета (а он может быть самым разнообразным) и кончая острыми прядями: либо торчащими во все стороны, либо уложенными, как крем на пирожном, волнами. Одежда, вообще песня: чаще темных тонов и смешанных стилей – от бохо до классики в одном наряде. В связи с данным фактом Болек легко представлял кутюрье Русланы: городская сумасшедшая. Несоответствие будущей профессии и «прикида» однажды подверг критике преподаватель права:

– Руслана, вы не тот путь избрали, вам на подиум удивлять народ, блистать во славе и софитах. А юриспруденция – это скучно.

Смутить ее слабо, она невозмутимо пообещала:

– Я перебешусь. С получением диплома облачусь в скучный костюм и буду соответствовать скучной юриспруденции.

Болеку не хватало смелости, дерзости, свободы, которые ни в коем случае не соперничают с наглостью, а в нраве Русланы всего этого в достатке, кроме внешней атрибутики – тут явный перебор. Сегодня девушка не в духе, вообще-то, она почти всегда в мрачноватом настроении, кстати, несмотря на данный недостаток, вокруг нее бурлит постоянное броуновское движение из девчонок и ребят, но сейчас они одни, и он позволил себе предложить:

– Слушай... После лекций пойдем в кафе?

– А у тебя деньги есть? Я прожорливая.

– Да ну! А по тебе не скажешь... Сто пятьдесят баксов

хватит?

– Папа дал?

Болек надулся, но не сказал, мол, можно подумать, твой папа меньше бабла рубит, раз ты учишься на платном. Он произнес с достоинством:

– Заработал. У меня фотку купили.

– Иди ты! – Вот теперь Руслана заинтересовалась, а то шла будто одна на белом свете. – Сто пятьдесят баксов за какую-то фотку?!

– За хорошую фотку. Я продешевил, авторские права продают минимум в два раза дороже. Так идем или нет?

– Ладно, идем. Хм! Не зря ты с фотиком бегаешь.

– Хочешь, тебя снимаю?

– Не знаю... Наверное, не хочу.

– Почему?!

– Так... неважно.

Разумеется, они опоздали, правда, лекция еще не началась. Преподаватель бизнес-права Седов (кстати, с седой и густой шевелюрой волос) писал, сидя за столом. Он бросил на них равнодушный взгляд и молча указал подбородком на амфитеатр, дескать, занимайте места, и, пока они поднимались наверх, спросил, что-то записывая в своей тетради:

– Не вижу Грюмина. Где он?

– В морге, – крикнул кто-то из студентов.

Раздался здоровый дружный смех, так же дружно он стих. Не поднимая головы от тетради, Седов поинтересовался:

– Что он там делает?

– То же, что и мы все будем там делать, каждый в свое время, – доложил тот же голос, снова раздался дружный смех.

– Господин остряк, передайте в морг, если Грюмин не сдаст зачет на этой неделе, пусть там и остается. Лично я не пушу его на лекции и не приму пересдачи. У него в запасе только эта неделя. Итак, – встал он со своего места, – сегодня мы начинаем новую тему: бизнес, право, мораль...

Сдавшая вождение Настя распахнула глаза...

...и открыла чудный ротик, когда перед ней появилась компания с букетом цветов и лукавыми улыбками на лицах. Не ожидала! Собственно, Феликс не менее был удивлен, его никто не поставил в известность, что Терехов, Тамара, Женя Сорин и Вениамин решили сделать сюрприз – поздравить жену друга со званием водителя. Отсутствовала Алинка, но она устраивалась на работу к Левченко. Ошеломительное поздравление прервал Феликс:

– Ждите меня у входа, а я... Вот теперь воспользуюсь связями и получу Настины права вне очереди, иначе придется еще полдня здесь торчать.

Женя Сорин не преминул подколоть его, но с самым невинным видом, вытаращив наивные глаза:

– А это разве не называется коррупцией, с которой мы безуспешно боремся?

– Поговори у меня, – шутливо погрозил пальцем Феликс. Он умчался, остальные окружили Настю, еще раз поздра-

вили.

– Ну? Как себя ощущаешь? – поинтересовалась Тамара.

– Немножко волновалась, – призналась Настя. – А когда выехала в город, сосредоточилась и проехала без замечаний. Даже дядька на заднем сиденье, такой противный, на него все жалуются, из-за него я и волновалась, но даже он похвалил, то есть недовольно буркнул: «Неплохо. Иди». А сам недовольный, но, говорят, это он меня так похвалил.

Ждать Феликса не пришлось долго, он вручил жене права, а когда все снова поздравляли Настю, к ним подошел Терехов, до этого он разговаривал по телефону, подошел, чтобы напомнить:

– Поздравили? Теперь за работу. Женя с Вениамином продолжают опрашивать жителей домов, а мы с Феликсом едем в больницу. Доктор скорой звонил, Элеонора готова с нами поговорить.

– Веник, – обнял того за плечи Сорин, – нам с тобой достается самая бесполезная работа.

– Бесполезных дел в нашем деле не бывает, – возразил Павел. – Постарайтесь выловить тех, кого не успели опросить в подъезде.

– А мне сначала Настю надо отвезти, – заявил Феликс.

Причем заявил конфликтным тоном, мол, я поступлю как считаю нужным, теперь для меня главное – семья, а не работа, и ты ничего мне не сделаешь. Собственно, Павел и не собирался ничего делать, он прекрасно понимал, чем вызван

внезапный мини-протест, только вот беда: хотелось бы обрадовать Феликса, да не получится.

– Феликс, твою жену отвезу я, – выручила Тамара. – Надеюсь, мне ты доверишь свою жену?

– Без вопросов, – буркнул тот на манер экзаменатора Насти, то есть с недовольной миной на лице.

Разбежались по машинам.

Терехов ехал впереди, наблюдая в зеркала заднего вида за автомобилем Феликса, который не отставал, шел точно в хвост. Вчера Павел переговорил с приятелем покойного отца, человеком значимым в городе, тот обещал выяснить, что за ход с Ольгой и зачем, ощущение гнусной интриги не покидало следователя. Не зря же ее определили к нему «набираться опыта», когда есть маститые спецы, положившие жизнь на систему розыска преступников, а он всего около двух лет работает. Ну, провел три дела удачно, это же не повод сделать его и ребят образцом для подражания, тем более парочка дел зависла! Друг отца сразу высказался: «Как мне кажется, у вашей Ольги мощный покровитель, которому не отказывают».

Элеонора встретила их не в больничном халате, а в той одежде, в которой ее видели у сына, только без пятен крови. И находилась она не в палате, а на этаже неврологического отделения, она ждала их сидя на диване в месте для отдыха. Коротко переговорив с врачом, Феликс оседлал стул, а Павел, поздоровавшись, присел рядом с Элеонорой и задал для

начала дежурный вопрос:

– Как вы? Как чувствуете себя?

– Как? Как... хм. Будто жизнь оборвалась, – сухо сказала она.

Вежливые люди после подобного заявления должны выразить соболезнования и отчалить, однако вежливость – удел королей, у Павла с Феликсом прозаичная сфера деятельности, им не до вежливости. Терехов сделал короткую паузу, давая Элеоноре настроиться на нелегкую беседу, и уточнил:

– А доктор сказал, вы согласны поговорить с нами...

– Мне плохо, но говорить я буду.

Что ж, это, конечно, неплохо. В ее состоянии закономерны перемены желаний и перепады настроения, истерики и непредсказуемость, но в этом состоянии люди проговариваются чаще, нежели в адекватном.

– Вижу, вы готовы покинуть больницу?

В сущности, это был не столько вопрос, сколько прощупывание адекватности Элеоноры, ответ последовал удовлетворительный:

– Да. Не хочу находиться в этой гнетущей атмосфере.

– Но в квартире сына вы пока не можете жить...

– Знаю, – не дослушала Элеонора. – Я не собираюсь там жить. Переселюсь в гостиницу до... Когда мне отдадут тело сына?

– Как только закончится исследование и некоторые формальности, связанные с... данным случаем. – Павел стара-

тельно обходил слово «труп». – Обязан предупредить, вопросы не всегда у нас корректные, вы готовы?

Она кивнула. Все же вид у нее не очень, вовсе не располагал к диалогу. Этот остановившийся взгляд и он, и Феликс неоднократно видели у погибших людей, когда смерть пришла раньше, чем они успели закрыть глаза. Примерно так и выглядела Элеонора, жестоко сейчас допрашивать ее, однако реальность такова: дала согласие, значит, жалость долой. Нужно с чего-то начать расследование, без матери убитого дело не сдвинется, и начал он с традиционного вопроса в данных обстоятельствах:

– Скажите, у Ильи были неприятели, враги?

Диалог завязался, Элеонора отвечала ровно, без эмоциональных красок и короткими фразами:

– Нет, что вы. Илюша хороший мальчик, участливый, добрый, заботливый, он просто ангел. Понимаете? Ангел! Всегда помогал, когда его просили. Даже если на это требовалось потратить много времени, часто свои деньги тратил. А вы говорите, враги...

– Но это у вас там, – продолжил он. – А здесь как? Насчет врагов?

– Здесь... не знаю. Илюша был доволен учебной, городской, здешней жизнью. У нас ведь городок маленький, для молодых людей там тоска смертная... Нет, я никогда не видела его пасмурным, угрюмым, что позволило бы думать иначе, напротив, он всегда позитивный.

– А если Илья скрывал от вас неприятности?

– Мой сын от меня ничего и никогда не скрывал. У нас с ним был договор: любую неприятность он расскажет мне. Со своей стороны, я настраивала его на доверие, обещала не кидаться с упреками, заверяла, что помогу выйти из положения, потому что я мать и только я могу ему помочь. Я всегда буду на его стороне. Любой человек может попасть в скверную историю, любой. А детей сковывает страх и стыд за проступок, что они упадут в глазах родителей. Поэтому не решаются сказать о своей беде.

– С друзьями сына вы знакомы?

– Виделась иногда... недолго. Я здесь нечасто бывала. А когда приезжала, Илюша все свободное время посвящал мне.

– Хорошо, о друзьях мы выясним в университете. А девушка? У него ведь была девушка?

– Не было.

Спец по девушкам (разумеется, в прошлом, нынче он образцовый муж) решил вступить в диалог:

– Как? Двадцать три года, а девушками интересуются значительно раньше, еще в пятом классе.

Феликс задел ее сына, хотя ничего особенного, чего не знают все без исключения, не сказал. Однако Элеонора ощерилась, правда, на базар не перешла, но тон взяла резкий, рваный, категоричный:

– Думаю, доступные девицы у него были. Этого добра сей-

час навалом, сами лезут в постели красивых мальчиков, тем более с деньгами. Я не ограничивала сына, учитывала, что ему не только поесть нужно. Безусловно, меня интересовали его девицы, он смеялся, говорил, пока нет той, какую хотел бы видеть рядом с собой, чтобы не стыдно было за нее. Еще раз повторяю: мой сын не скрывал от меня ничего, поэтому со всей ответственностью утверждаю, что постоянной девушки он не завел.

Общались с ней в течение часа, но остальные ответы были в том же духе: не знаю, не видела, не встречала, все было хорошо, ее мальчик идеальный. Не имело смысла продолжать, Павел прервал бессмысленный диалог, попросив ее:

– Не могли бы вы поехать с нами на квартиру сына? Понимаю, вам будет трудно, нелегко, там никто не убирал, мы все оставили, как было. Элеонора Геннадьевна, это крайне важно для нас. Да и для вас. Одна из версий – разбойное ограбление. Мы должны либо исключить данную версию, либо взять ее за основу – все зависит от вас. А после я отвезу вас в гостиницу, какую назовете. Так как? Вы сможете там находиться?

– Я хочу, чтобы нашли убийцу моего сына. Поехали на квартиру.

И она первая с готовностью поднялась с дивана.

Санчо разбудили ароматы...

Он не вскочил с постели, хотя проснулся от голода, к тому же вчера засиделся перед камином, подбрасывая в топ-

ку дровишки, все думал, думал... Камин сложили с дедом, когда тот был жив, исключительно для релаксации, тепла от него мало, вот так сидишь, на языки огня смотришь и... мысли покидают голову. Вокруг и обстановка располагала к думанью: старинная мебель – крепкая, из дерева, а не прессованных опилок, еще с досоветских времен, правда, из разных наборов, но с ней уютно. Естественно проголодался, но так и лег спать на пустой желудок, поленившись сходить на кухню и чего-нибудь закинуть в рот. Последнее время он только и делает, что думает, где бы ни был, почти не общается с Никой, да так ничего и не придумал. Впервые он попал в безвыходное положение, не знал, как поступить. В комнату заглянула Ника и тут же скрылась, извинившись:

– Прости, что не стучалась, я посмотреть, проснулся ты или нет.

– Все нормально, – сказал он, вскочив с постели и одеваясь. – Так вкусно пахнет... Что там на завтрак?

– Шутишь? Время обеда, поэтому я и пришла...

–обеда?! – выглянул он, тараща глаза. – Как обеда? Я проспал все на свете? А универ... О, блин! Надо было разбудить меня.

– Извини, – потупилась Ника.

– Ладно, проехали. Иногда можно и прогулять... Иди, сейчас умоюсь и приду... Надо же, обед уже...

В крошечной ванной поместился только душ, раковина и унитаз, зато все удобства. Санчо остервенело чистил зубы,

пытаясь составить план на сегодняшний день, но планирование затормозилось. Что можно планировать во второй половине дня? Пока то да се – вот тебе и вечер. Он подавил желание срочно бежать неизвестно куда и пришел на кухню, там уже стояла тарелка с красивым золотистым супом, а посередине стола возвышалась горка пирожков.

– Пирожки... Классно. А с чем?

– С капустой и картошкой.

– Мои любимые... – потирая ладони, расплылся в улыбке Санчо. Откусив половину пирожка, пережевывая, он покивал, мол, есть можно.

Ели молча и сосредоточенно. Наконец, Ника робко произнесла:

– Знаешь, я мерзну по ночам...

– А-а-а... – протянул Санчо со смешком. – Окно в твоей комнате плохо закрывается, я посмотрю, что можно сделать. Почему раньше не сказала?

Ника пожала плечами и уткнулась в тарелку. Снова пауза, снова ели, впрочем, девушка больше ложкой в тарелке возила, поглядывая украдкой на Санчо. Наконец решилась попросить:

– Ты не мог бы забрать мои документы?

Сначала он, уставившись в тарелку, выпятил нижнюю губу, затем поднял на нее глаза, в которых, разумеется, одобрения не было. Понятно, уговаривать одуматься – дело дохлое, только время, как говорится, все расставит по местам, но оно

же, время, имеет подлое свойство утекать сквозь пальцы.

– Мне их никто не даст, – заявил Санчо.

Боже, как она расстроилась, еще чуть-чуть – и заплачет, преодолевая комок в горле, Ника выговорила:

– А как же тогда быть?

– Ты что, маленькая? Только самой ехать.

– Не могу. Не могу, не могу, не... Я подожду до лета, меня исключат, а летом, когда никого не будет, заберу документы.

– Летом универ тоже работает, абитуриентов принимают, экзамены, ремонт делают и прочие работы. Давай ты еще подумашь...

– Я подумала, – нервно перебила Ника. – Подумала и решила... Появиться в универе не смогу, нет, это невозможно после всего... Поеду домой. Сколько я могу сидеть у тебя на шее, у меня нет денег, тебе я никто...

– Не то говоришь, не то! – повысил он голос, тем самым давая понять, что слушать ее доводы не желает. – Я тебя гоню? – Но ответить ей не позволил. – Лучше молчи, хватит, наговорила. А что скажешь родителям? – И передразнил: – Я бросила учебу на четвертом курсе, потому что меня...

– Не надо, не хочу вспоминать! – пыхнула Ника.

– Я к чему... Нужно не только о собственном комфорте думать, еще и том, кому своим комфортом принесешь неприятности, боль...

– Думаешь, мне комфортно? – обиделась она.

– Думаю, ты стремишься к нему, – отрезал Санчо. – Но

учти, спрятавшись, ты не получишь, чего ожидаешь, это закон. То, что с тобой произошло, не повод бросать универ, тем более, ты ни в чем не виновата...

– Но...

– Подумай еще. Мой дед говорил: «Нет ни одной причины, чтобы сдаваться, легко никогда не сдавайся». Я просто прошу тебя не пороть горячку, недельку-другую типа поболей, поваляйся у телика, там видно будет. Мне-то ты можешь пойти навстречу?.. (Молчание не всегда означает согласие.) Да не мешаешь ты мне, наоборот, как домработница тут вкалываешь, готовишь, убираешь, меня все устраивает, так что... Считай, ты на работе, платить много не могу, но еда и жилье тебя устраивают, верно? (Прогресс: Ника кивнула.) Вот и отлично. На этом спор окончен. В универ ты, конечно, не поедешь... (Она отрицательно мотнула головой.) А мне никто не отдаст твои документы, короче, выбор у тебя... Налей мне еще супа.

Ника подхватила, кажется, она обрадовалась смене темы, да и вообще, старалась угодить Санчо из элементарного чувства благодарности, он приютил ее, а до этого спас от смерти. Поставив перед ним тарелку, она села напротив, некоторое время молчала, глядя на поверхность стола, потом вспомнила: обычно Санчо развлекает ее рассказами из своих путешествий, а тут – будто нет его. Присмотревшись, как он ест – механически и при этом отсутствуя, Ника осторожно, чтобы не сильно докучать назойливостью, спросила:

– Санчо... что-то случилось?

– А? – поднял он голову от тарелки. – Случилось? Да нет...

– Но ты какой-то смурной... Ты изменился, правда.

Не хотел он говорить ей, а ведь иногда так требуется участие другого человека, чтобы тот помог с выбором, и Санчо сказал:

– Я потерял студик... студенческий билет.

– Ты можешь получить новый... – настороженно произнесла она, в глубине души понимая, что дело хуже банальной потери.

– Конечно, могу, но... я не знаю, где потерял...

– Не понимаю, чего ты так переживаешь? Есть причина?

– Подозреваю, у Ильи. Представляешь, если его найдут там... мне туго придется.

– То есть могут... на тебя подумать?

– Да ну, ерунда! – махнул рукой Санчо и улыбнулся, чтобы нейтрализовать внезапный испуг Ники.

А самому страшно стало, хотя он не из трусливых, просто случаются обстоятельства, от тебя не зависящие, когда необходимо выстроить на всякий случай защиту, но не знаешь – как. А тут напротив по ужасу в каждом глазу, что совсем не настраивает на позитивный лад, Санчо подмигнул Нике:

– Поищу здесь, я же не искал как следует.

Не успокоил Нику, да и сам не верил в то, что говорил.

– Я помогу тебе... искать помогу. Прямо сейчас. Ешь.

Элеонора по профессии адвокат.

Само собой, сын решил пойти по стопам обожаемой мамы и тоже готовился стать юристом. Помимо основной работы на ней два магазина, принадлежащих матери: овощной и мясная лавка, это то, что будет нужно людям во все времена, какими бы ни были они тяжелыми. Как управляется в таких разных сферах? А что делать? Магазины достались от отца, мать Элеоноры справлялась поначалу неплохо, потом началось: то суставы, то давление, не продавать же магазины, тем более обе точки доходные.

В маленьких городах выигрышные и денежные дела попадают редко, конкуренция большая, следовало позаботиться о подушке безопасности. Ей помогли устроиться консультантом в городскую администрацию, режим свободный, нагрузка умеренная, деньги бюджетные каждый месяц – неплохо, верно? Так она сохранила и свою конторку, мало того, клиентура увеличилась, ведь люди больше доверяют тем, кто сумел влиться во властные структуры – кого ни попадая туда не возьмут. Ну, а управление торговлей – наняла рабочих лошадок.

Сына Элеонора баловала, еще бы, он единственный ребенок, но заверила: баловала в меру. Павел не стал уточнять границы этой меры, зачастую у родителей границ не существует, как правило, у состоятельных, а потерпевшая явно не бедствовала. Она знала, где и что лежит у сына – именно для этого и нужна была, но из дорогих вещей все оста-

лось на месте – деньги, часы, брендовая одежда, золотые изделия – мальчики тоже любят побрякушки. А дешевка никому не нужна, чтобы ради нее забраться в квартиру, тем более убить.

К большому сожалению, Элеонора ничем не помогла. Они стояли на середине первой комнаты, присесть никому не пришлось в голову, стояли и вертели головами, рассматривая погром. При дневном свете квартира особенно уныло смотрится, пятна крови, осколки и обломки – все осталось как в ночь убийства.

– Компьютер! – вспомнила Элеонора. – Не так давно... осенью... я купила Илюше ноутбук, он дорогой. Сын так радовался... Ноутбука не видела.

– Разбит ваш ноут, – огорчил ее Феликс. – Мы изъяли его, надеемся восстановить диск, может, там есть информация о причинах нападения на вашего сына. А ведь это нападение сознательное и, как мне видится, бесстрашное. Здесь за стенками столько народу, а преступники рискнули.

– Праздник, – сказал Павел. – Шум, гам, музыка, с этой точки зрения гарантирована безопасность. Кому интересно, что за стенкой происходит, когда кругом шумно? Случайные свидетели могли увидеть преступников, это единственный риск, но время идет, приметы стираются уже через пару дней... Кстати, – повернулся он к Элеоноре, – видеонаблюдение установлено в доме и на улице?

– В платежках такой услуги нет, – ответила та.

Повертевшись на месте и снова, в который раз, оглядывая разруху, Феликс уверенно заявил:

– Кому-то ваш Илья насолил очень и очень крупно.

– Ну, тогда... я в тупике, – беспомощно развела она руками.

– Тогда вы просто чего-то не знаете о своем сыне, – поправил он ее. Элеонора сверкнула глазами и хотела было что-то гневное бросить ему, Феликс мягко упредил: – Не надо возражать, не стоит. Сами подумайте, порассуждайте логически. Именно сюда пришли не менее двух человек. Как они попали в квартиру? Ваш сын не разделся в прихожей, его куртка валялась на полу вон в том углу, словно ее стащили с него и отбросили. На нем были зимние сапоги, которые он тоже не снял в прихожей. Получается, Илья где-то гулял и, возможно, пришел со своими убийцами, или они следом пожаловали, не суть. Факт в том, что он впустил минимум двух человек, которые его... вскрытие покажет, отчего наступила смерть.

– Впустил? – растерялась Элеонора. – Вы не можете этого знать.

– Это элементарно: замок не взломан, – пояснил Феликс. – Отсюда мы имеем право предполагать... возможно! Это были хорошо знакомые ему молодые люди. Вошли они практически перед вашим приездом, а время было позднее, ночью кого ни попадая в квартиру непустишь, согласны?

– Возможно? – переспросила она, нахмурившись. – А без

этого слова... кто мог быть?

Феликс пожал плечами, за него ответил Павел:

– Кто бы ни был, вошли они сюда свободно.

– А молодые? – не унималась Элеонора. – С чего вы решили, что сюда пришли молодые люди?

– Вряд ли ваш сын общался с людьми много старше себя, да и силой они обладали, характерной для молодых людей.

Подробности Павел опустил, мол, до смерти забили вашего сына за каких-то полчаса, на это способны физически сильные и молодые люди. Тем временем она осмотрелась, медленно повернувшись вокруг оси, словно искала в углах и стенах тех, кто пришел в дом ее сына со злом. Феликс подошел к шкафу-витрине и, указывая пальцем на полку, повернулся к ней, поинтересовавшись:

– А что это за фигурки? Что за куколки?

Элеонора приблизилась к нему, за ней и Павел подтянулся, некоторое время стояли молча, она, без сомнения, любовалась фигурками – во всяком случае, умильно смотрела на полку. А может, воспоминания нахлынули, лишь после длинной паузы заговорила:

– Коллекция ангелов. Как-то Илюше подарили фарфорового ангелочка, старинную фигурку в качестве символа защиты, сейчас многие увлекаются символикой. Оказалось, их делали и в Союзе, и в дореволюционной России, и в Европе, в общем, во всех странах, где есть христиане. Илюша начал собирать этих маленьких ангелов, за границей покупал,

мы ездили с ним туда отдыхать и просто туристами, одинаковых нет. Коллекционеры приобретают по два экземпляра, второй на обмен, сын не покупал двойников. Смеялся... что его хобби редкий вид коллекционирования, меняться не с кем. Разве что в какой-нибудь далекой стране живет такой же любитель, но найти его нереально.

– А интернет? – подключился Павел.

Он давно понял: мелочей не бывает, нужно все детали проработать, потому что есть такое понятие «а вдруг...».

– И что? – пожала она плечами. – Ну, нашел бы где-нибудь... в Парагвае, представляете пересылку? Обмен обошелся бы дороже, чем вся коллекция.

Итак, Илья был коллекционером. В данном случае на ум приходит первая ценная мысль, ее и поспешил озвучить Феликс:

– Скажите, а вы уверены, что у Ильи не было эксклюзивных фигурок ангелов, которые могли стоить больших денег?

Элеонора несколько секунд смотрела на него, явно сообщая, насколько он прав, а у Феликса готов убедительный довод:

– Крошечная почтовая марка стоит миллионы долларов, конечно, не всякая, редкий экземпляр, а тут все же статуэтки. Почему какие-то из них не могут быть артефактами?

Она перевела взгляд на полку с ангелами, уголки ее губ поехали презрительно вниз, затем высказалась:

– Шутите? На этой полке ничего ценного нет, это же но-

воделы.

– Ну, на глаз ценность невозможно определить, поверьте, – возразил Феликс, наклонившись к полке. – Однажды антиквар показал мне две картинки, ничего особенного. Скажу больше, мазня, но стоимость... я бы не купил даже за сто рублей, а кто-то готов отдать сотни тысяч.

– Тогда что мешало им забрать добычу и убраться, а не устраивать здесь... вот это все?

– Логично, – согласился Феликс. – Только есть одно но, у преступников в подавляющем большинстве логики нет, но есть азарт. И кто знает, может быть, они забрали. Похоже, помимо разборки с Ильей, они что-то искали. А почему эти ангелы лежат в коробке?

Феликс достал коробку, показал ей, она взяла одну из фигурок, несколько секунд рассматривала, затем поставила на полку, следом вторую, третью...

– Ах, эти... – с горечью проговорила Элеонора, продолжая расставлять фигурки и всхлипывая. – Наверно, просто не успел поставить. Илюша перед праздниками с особой тщательностью убирал квартиру... сам убирал, не позволил мне нанять домработницу, сказал, нечего тратиться на то, что в состоянии сделать сам... вот такой он был, не тянул из меня деньги, не лентяй. В этом шкафу он обязательно протирал пыль, терпеть не мог беспорядок. А своих ангелов любил переставлять, говорил, с ними легче думается, верил, что они приносят удачу, защищают...

– М-да, чего только не собирают, – пробубнил Павел, стоя позади бедной женщины и глядя на полку с ангелочками. – Поехали, Элеонора Геннадьевна? Сначала заедем в отдел, у вас возьмут отпечатки...

– Отпечатки? – выпрямилась она, съежилась, pokrивила губы, будто ей предложили в кипятке искупаться. – Пальцев? Зачем?

– Чтобы исключить ваши из найденных отпечатков. Это быстро, а после поедем в гостиницу.

Они направились к выходу из комнаты, но Элеонора остановилась в дверях, оглянулась и с упреком бросила фарфоровым фигуркам:

– Столько ангелов собрал, а не защитили сына. Выкиньте их!

Забиться в медвежий угол, чтобы...

...никого не видеть, это, конечно, выход, да вот незадача: продукты имеют «неожиданное» свойство – они заканчиваются. Санчо, конечно, пообещал привезти из города, мол, нарисуй список – куплю, но Ника сказала, что он не умеет выбирать, поэтому ей надо ехать. Немногим ранее она в такую депрессию себя загнала, что выходить из дома во двор отказывалась, а здесь в зимнее время практически никого не встретишь. В норму Ника не пришла, но маленький прогресс налицо, Санчо радовал и этот прогресс. Нет, правда, она ожила, в свободное время от домашних трудов читала, смотрела телик, а не внутрь себя. Компьютер пока Санчо не

давал ей, здесь есть интернет, ему не хотелось, чтобы она в соцсетях про себя гадости читала. По этой же причине отобрал смартфон, заменив его кнопочным старым телефоном, в трубке только его номер и ее родителей, других наизусть Ника, к счастью, не помнила. А кто из нас помнит?

Итак, настал первый выход Ники в свет. Собственно, ничего нет выдающегося в заурядной поездке за едой, если бы... Вот! Краеугольный камень в этом выражении – если бы! Да кто же знал! Но Санчо получил из нескольких источников деньги, понемногу, а путем сложения получилась неплохая сумма. Он же и три блога ведет, и дебила натаскивает по математике, иногда подрабатывает барменом, а иногда простым рабочим во Дворце спорта. Если бы не поехали, перенесли покупки на другой день, то ничего и не случилось бы, но... кушать хочется часто и много, отсутствием аппетита никто не страдает.

Днем Санчо пропадает в универе, поэтому поход за добычей состоялся вечером. Он приехал на дачу, забрал Нику, закутанную с головы до пят – тут уж не до форса, тут главное в сосульку не превратиться на мотоцикле. Санчо водрузил ей на голову шлем и рванул в город, впрочем, ехать далеко не пришлось, как раз на окраине несколько гипермаркетов, поражающих размерами. Набрали полную тележку, так ведь каждый день не наездишься, наконец, список закончился. Санчо взглянул на Нику, тут-то на ум и пришла сугубо практическая мысль: она же почти без вещей, ну, два халата

(бабушкин и мамин) меняет, а белье? Тема деликатная, а Ника щепетильная, он намекнул:

– Слушай, а тебе ничего не надо купить из вещей?

– У меня все есть, но в общежитии, а я туда... сам знаешь.

– Почему мне не сказала? Я бы забрал.

– Как бы ты забрал? – вытаращилась Ника, пыхнув, будто он сделал ей неприличное предложение. – Сам стал бы вещи мои собирать? Своими руками и при всех?

– А что тут такого?

– Ха! Ты не понимаешь?

Деревенское воспитание дает о себе знать, но Санчо именно этот «заскок» нравился, раскрепощенных и свободных от условностей девиц полно, такие мало привлекали лично его.

– Да ладно, дело-то житейское, – сказал он, рассмеявшись, чем и снизил накал Ники. – Не переживай, попрошу девчонку твои вещи покидать в сумку, устроит? (Кивнула. Вот так легко и просто можно вернуть девушку в норму, а то сразу – пых!) Но ты все равно купи... что там надо девчонкам? Короче, все купи, что надо, поняла? Если я тебя стесняю, то подожду рядом с отделом.

Ника кивнула, оба прошли к женскому отделу, Санчо остался с тележкой, а она побежала искать своего размера белье, колготки, сорочки. Разумеется, Ника не нагнала, брала самое необходимое, недорогое и в двух экземплярах, как вдруг...

Сначала она услышала голос, от которого в глазах помути-

лось, но ненадолго, Ника все же не хлипкая мажорка, а кровь с молоком... или молоко с кровью, сейчас именно эта комбинация слов выиграла в каждой ее жиле. Затем узнала его же смех. Его и еще кого-то, наверное, дружка – истеричный, икающий, подхрюкивающий. Ника задвинула коробку с бельем, руку не убрала, потому что, когда она повернула лицо к смеющимся, ее рука закрыла всю нижнюю часть, оставив одни глаза.

Валентин тоже выбирал женское белье, только дорогое. Это красивый молодой человек, сын состоятельных родителей, не олигархов, не миллиардеров, тем не менее крутых. Валентин, который настаивал называть его Валён, держал в руке тесемки с латками (то ли бюстгальтер, то ли трусики) и ржал вместе с Оскаром, которого она знала совсем немного, не с самой хорошей стороны. Да и внешне он никакой, мама-природа явно занималась текущими проблемами и забыла сделать его статным и крепким, как Валентина, рожицу кое-как слепила из вторсырья, типа – сойдет и так. Но это нечто старательно напрягался в фитнес-клубах, чтобы нарастить мышцы. То ли дело Валену досталось от природы все самое лучшее, прямо сошел с экрана про красивую жизнь. Наверно, что-то скабрёзное они шептали друг другу, поэтому закатывались от хохота, показушного и вульгарного.

Никуну переклинило. Она решительно подошла к парням, заехала Оскару кулачком по лицу, а силенок много, злость их удвоила, он отлетел в сторону, как мячик. Не успел Вален,

увидев Нику, снять белозубую улыбку с лица, как получил увесистую оплеуху, аж согнулся. Выпрямившись, он собрался нанести ответный удар, но девушка ждать не стала, она хватала с полок коробочки и запускала в него. А коробочек несметное количество, вылетали они из ее рук со скоростью пулемета, Валентин отмахивался, все равно наступая на нее. Ее хватало на обоих, коробки летели и в Оскара.

Услышав шум, Санчо заглянул в отдел и, не раздумывая, ринулся на помощь Нике, хотя дралась она, а не парни. Незнакомый ему Оскар сидел на полу, опираясь спиной о нижние полки, и ржал, как обкуренный, второй парень, которого Санчо замечал в университете, наступал на девушку с явной целью прибить. Он сцапал Валентина сзади за шиворот и отшвырнул к худому парню, тот упал на полки, с которых посыпались пакеты с коробками.

Казалось бы, чувствуя защиту, Ника должна успокоиться, но нет, она и не думала прекращать атаку, сгребала коробки и кидала их в Валентина. Парадокс, но теперь Санчо пришлось защищать от разъяренной девушки неземного красавца, он раскинул руки, не пуская Нику к нему, и грозно требовал:

– Прекрати! Ника! Ты рехнулась? Сейчас же перестань!

Ага, прямо так и перестала. Но тут его обогнул Вален и кинулся на Нику. Та не будь дурой ринулась бежать, выскочила из отдела и повернула налево, за ней убежал и Валентин... По звукам падающих с грохотом кастрюль, эти звуки

не спутаешь, стало понятно, что начались оборонительные действия с использованием тяжелой артиллерии.

– Ах-ха-ха-ха... – закатывался Оскар, усыпанный коробками, держась за свой тощий животик. – О-хо-хо-хо...
Цирк...

Санчо помчался на поле боевых действий, и что? Пострадавший стоял уткнувшись в полки с кухонными товарами и прикрывая голову руками. А на него падали кастрюли, стальные миски, подносы, летели поварешки...

Со всех сторон бежали к ним сотрудники и охранники.

Дни несутся, будто им придали ускорение...

...неведомые силы, так прошло полторы недели, а с места не сдвинулись ни на йоту, как заколдованный мамин сыночек Илюша. Элеоноре выдали труп сына, она поехала домой, но Коригов Антоша не предоставил актов исследования, Феликс высказался по сему поводу:

– А чего вы ждали от зеленого пацана? – И вяло передразнил Антона: – Горячая точка, я видел, я знаю... Понты одни. Ладно, посмотрим, что он там накорябает, все одно хуже Марихуаны не будет, но и лучше вряд ли.

Павел не делал выводов заранее, пока так думать не было причин, потому не поддержал Феликса, его другое заботило – Илья. За что его убили с особой жестокостью? Что искали в квартире? На случайный бандитизм не похоже, но исключения тоже встречаются.

И вот снова утро – ясное, солнечное, морозное, небо си-

нее – хорошее утро, настроение просто взлетело. Павел и Феликс очутились у дверей Следственного комитета одновременно и, протянув руки к дверной ручке, столкнулись. Рассмеялись, повод к смеху анекдотический: оба задумались настолько глубоко, что не заметили друг друга. По коридорам и лестницам шли молча, так ведь торопились к кабинету, зачем на ходу трепаться?

Однако Павел с неудовольствием отметил про себя, что между ними словно темная полоса пролегла, причина банальна: стыд за чужую... даже не подлость – гнусенькую подлянку. Феликсу стыдно, что его кинули с работой, к которой он готовился долгие годы и которая ему была обещана, а Павлу стыдно, что ничем не может помочь. Он встретился с другом отца второй раз, собирался рассказать о результате, как вдруг оба, не сговариваясь, замедлили шаг... У кабинета стояла Ольга, опираясь плечом о стену и скрестив на груди руки. Встретила их улыбкой (как показалось обоим, улыбкой торжества) и вопросом то ли с иронией, то ли с искренним недоумением:

– Почему всегда опаздываете на работу?

Честно говоря, Павел потерялся, не сообразил, что ответить на детский вопрос, нашелся Феликс, правда, свой вопрос он задал без интонационной окраски:

– Марихуана, мы работаем не продавцами в магазине, тебе разве неизвестен закон: начальство не опаздывает, а задерживается?

– А ты при чем? Ты же не начальство.

– Я сопровождаю его светлость. – А вот Феликс улыбнулся, без сомнений, искренне, это ему давалось легко. – Всегда и везде. Я его тень. К тому же у нас ненормированный рабочий день, мы можем работать сутками и почти без сна, удивляюсь твоей неосведомленности.

Все-таки поддел ее. Тем временем Павел открыл кабинет и, конечно, пропустил вперед даму, после чего заметил, как у Феликса поменялась мимика, он наклонил голову, набычившись, губы поджал и проследовал за ней. М-да, утро началось с оптимистичной ноты, которая скисла от одного вида Оленьки. В кабинете Терехов, находясь за столом, долго перебирал листы с протоколами, не имея желания обсуждать текущие дела. Ольге надоела пустая пауза, она поинтересовалась:

– А где ваши оперативники? У вас приходят, когда хотят?

Павел совсем немножко ошибся: с появлением Ольги не проблемы их ждут, а проблемыщи – она повсюду будет совать нос, что станет делать с добытой информацией, одной ей, подружке дьявола, известно. Он не придумал, чего бы ей такого сказать, не обидев... Феликс ответил вместо Павла, правда, на этот раз его фраза походила на вызов, разумеется, вызов предназначался Ольге, хотя обратился он сначала к Терехову:

– Павел Игоревич, ты не мог бы написать подробный отчет для Марихуаны Гашишевной, кто и где находится, а также

чем в ближайшее время будет заниматься? Я правильно понял, Марихуана, ты у нас контролер?

– Ну, зачем так превратно понимать женское любопытство? – замурыкала Ольга, не смутившись. – Я же опыта набираюсь.

Несомненно, у Феликса готова была слететь с языка следующая колкость, наверняка более острая и обидная, он же мастер слова, к счастью, помешали ребята, ворвавшиеся в кабинет.

– Извините, – тяжело дыша, выдавил Вениамин, видно, бежал по лестницам, как горный архар.

Женя Сорин дополнил в меланхоличной тональности:

– Кругом сплошная нищета, именно поэтому на дорогах пробки – их не объехать. Можно было бы бросить тачку, но далеко – не добежать.

– Отставить разговорчики, присаживайтесь, – сказал Павел. Когда парни расселись, он похвалил Сорина: – Женя, ты молоток, хорошо написал протоколы.

– Рад стараться, – вздохнул тот печально на манер Пьеро.

– Ну, что? Как опрос жителей?

– Никак, – ответил Вениамин. – Всех мы не опросили даже в подъезде убитого, две квартиры осталось, не можем заставить хозяев. Продолжить?

– Разумеется, – кивнул Павел. – Понятно, все праздновали, но, может быть, кто-то забыл бутылку шампанского купить и возвращался с покупкой, кто-то опоздал и бежал

к столу, а кто-то поссорился и уходил... Короче, в праздник многое сделать не успевают, отсюда суета, беготня, стало быть, надежда у нас есть, что хотя бы один свидетель видел посторонних... м... незнакомых людей в период с девяти вечера до десяти.

– О! – встрепенулась Ольга. – А что это за период?

– Время убийства, – сказал Павел. – Точнее, убили Илью в промежутке от девяти до девяти тридцати вечера.

– Боже, – усмехнулась она, – кто вам назвал это время?

– Новый судмедэксперт Корилов Антоша Степанович, – не преминул сообщить ей Феликс. – Прямо у трупа назвал.

– Промежуток меньше часа? Это смешно.

– Отнюдь. Антоша Степанович сказал, плевое дело определить время смерти, которое можно вычислить элементарно даже калькулятором в смартфоне.

– Это долгие расчеты... – начала заводиться Ольга.

Она никогда не называла точного времени смерти, а то и приблизительного, но по разным причинам, безусловно, всегда «объективным». Поскольку Феликс с ней часто цапался из-за ее неточностей в работе, Павел поспешил упредить очередную стычку, не дав продолжить Ольге:

– Времени после убийства прошло мало, поэтому Корилов вычислил без труда, легко. (Не хотел кольнуть Олю, но слово «легко» наверняка зацепило ее.) А мать приехала примерно в десять, может, чуть позже, само собой, убийца к этому времени не было в квартире. Что нам известно...

Преступников было минимум двое, почему-то они разнесли квартиру в хлам...

– Ну, это элементарно: что-то искали, – вставила Ольга.

Мужчины все до единого отнеслись бесстрастно к ее выводам, ибо спешить с версиями – это насмешить коварную Фемиду. Павел изобразил, будто думает над ее версией, наконец, произнес:

– Возможно. А что искали?

– Ну, я не знаю, – пожала плечами она. – Деньги... ценности...

– Деньги целые... – напомнил Феликс.

– Это не те деньги, которые ищут, – возразила Ольга.

– И дорогушие часы оставили, ноут заоблачной цены разбили, фотоаппарат раскурочили, а не стырили, – провокационно улыбался Феликс, давая понять, что она набитая дура.

Не светило им мирно сосуществовать, в который раз огорчился про себя Павел. Он уже собирался начать воспитательный процесс, иначе работа превратится в ад, как вдруг позвонил Корилов. Выслушав, Терехов подхватился:

– Феликс, мы с тобой в морг, ребята – на опросы...

И остановил взгляд на Ольге, придумывая ей занятие, чтобы не мешала, не путалась под ногами, не лезла без спроса, она подняла ладонь, отказавшись:

– Я с вами не поеду (однако ее никто и не приглашал.)

Акт вскрытия потом почитаю. Если нет для меня дела, я, пожалуй, пойду, мне еще оформиться надо.

– Да, конечно, оформляйся.

Павел чуть не выдал высокий градус радости, а чтобы она не передумала, лихорадочно засобирался. Вскоре он уже сидел за рулем машины рядом с Феликсом. Они проехали больше половины пути в молчании, эти паузы, причины которых знаешь, напрягают.

– О чем задумался так глубоко и так надолго? – спросил Терехов.

– Анализирую. Раз Марихуана говорит, что у Грюмина что-то искали, нам тоже надо искать... другие версии.

– Почему? – заинтересовался Павел.

– Ее мозг устроен примитивно: обрабатывает только то, что в зоне видимости, то есть на поверхности. Данный метод мышления свойственен людям, которые мало пользуются аналитикой и логикой, умом тоже мало... с умом у нее амба.

– А что тебя не устраивает в данной версии?

– Паша... – заерзал Феликс и, повернувшись к нему, заметил: – Тебя тоже ее версия не устраивает, я не прав?

– Скажу честно: не устраивает, потому что Ольга озвучила, а ведь все указывает на поиски чего-то ценного.

– Не поэтому, Паша, интуиция не приняла. И правильно сделала. А я застрял на шкафе с посудой, все разгромили, но шкаф оставили – почему?

Действительно, Павел мало думал об убийстве парня, его больше занимало внедрение (по-другому не скажешь) Ольги

в их тесный кружок (не к добру это) и то, что несправедливо отфутболили Феликса. В данном деле, судя по всему, сначала надо собрать исследования, улики, свидетельства, а уж потом версии выдвигать. Ладно, это все в рабочем порядке, сейчас Феликс заставил мысленно вернуться на место преступления, у Павла родился контрдовод:

– Кухня осталась полностью целой.

– И ванная, – скептически усмехнулся Феликс. – Не буду строить догадки по этому поводу, но обе комнаты и прихожая в хлам. Кроме шкафа для посуды... Скажите, какая избирательность.

Да, теперь настало время строить предположения, но не версии:

– Может, не успели?

– Не спорю, – согласился Феликс и задумался, но ненадолго. – Не успели, говоришь?.. Значит, их было больше двух, кто-то стоял на шухере и заметил опасность в лице матери убитого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.